

СЕРАЯ ЗОНА

РОМАН

Моим близким и памяти тех, кого уже нет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛЕКС

1

Было шесть утра. В низинах туман еще не рассеялся, и Алекс вел «лэндровер» медленно, почти на ощупь. А на западе, слева от дороги, солнце уже освещало вершины Скалистых гор. В Канаде их называют «рокки». Там, где дорога выходила из лощины, тумана не было, и открывался завораживающий вид на далекие утесы. Раньше Алекс не упускал случая остановить машину, постоять несколько минут на обочине и как бы подзарядиться первозданной энергией, исходящей от этой могучей девственной природы. Но сейчас он не мог думать ни о чем, кроме дела, ради которого вот уже несколько месяцев торчал в маленьком сонном городке с красивым названием Вермиллион, затерявшемся среди озер и болот где-то на севере Альберты. Все это время по два-три раза в неделю, в любую погоду он мотался по той же самой дороге в необитаемый район, даже не имевший названия и обозначенный только координатами, на стыке трех провинций – Альберты, Британской Колумбии и Северо-Западных территорий. В центре района находились невысокие холмы Камерон. А к северо-западу от них простиралась места, знакомые с детства по рассказам Джека Лондона. Слова «Маккензи», «Клондайк», «Юкон», «Форт Даусон», как отзвуки золотой лихорадки, мгновенных обогащений и столь же быстрых разорений, не переставали и сейчас волновать его воображение. Параллели напрашивались сами собой. В такие минуты Алекс лишь иронически усмехался и гнал от себя эти навязчивые книжные сравнения.

«Лэндровер» вынырнул из-за последнего поворота, и невдалеке показались ажурные очертания буровой вышки. В голове произвольно возникла мысль: «Ну вот, момент истины приближается». Алекс выругался: «Опять эти чертовы банальности». Он злился, когда вдруг лезли в голову или срывались с языка затертые слова. Но именно они почему-то всегда первыми приходили на ум. Надо же – «момент истины», как в плохом детективе. «Ладно, не будем придирааться к словам, – примирительно подумал он, – скажем иначе: вот сейчас станет, наконец, ясно – кто есть кто, а кто есть никто». И хотя вероятность того, что он и Андрей могут оказаться «никем», была теперь очень мала, мысль об этом нет-нет да закрадывалась в сознание. «Все будет хорошо. Все должно быть хорошо», – Алекс привычно отогнал тревожные сомнения.

Он остановил машину рядом с фургоном геофизиков. Они были здесь с вечера и уже ждали его.

- Привет, Крис. Как дела? – обратился Алекс к старшему оператору Гибсону.
- Все идет нормально, док. Заканчиваем спуск.

Они понимали друг друга с полуслова. Речь шла о спуске в скважину кабеля со специальным зондом для регистрации электрических параметров горных пород. Через несколько минут Крис сообщил, что спуск закончен, зонд достиг забоя и спросил:

- Ну что, начнем записывать?
- Начинайте, – ответил Алекс.
- О'кей, начинаем, – Крис дал знак оператору лебедки, и тот перевел агрегат

в режим подъема.

Кабель начал медленно наматываться на барабан, и с этого момента датчики зонда стали посылать непрерывные сигналы на приемное устройство. Кривые трех разных электрических параметров записывались одновременно. В совокупности они давали четкое представление о минеральном составе горной породы и о пластах, которые могут быть заполнены нефтью. Подъем зонда из скважины напоминает, при известном воображении, извлечение из земли моркови, на французском – каротаж (от *carotte* – морковь). Поэтому изобретатели метода, французские евреи братья Шлюмберже (Шломберг), назвали его каротаж и ввели этот шуточный термин в профессиональный лексикон нефтеразведки. Впрочем, американцы предпочитают более грубоватое название – лог (бревно), а исследование называют логгинг.

Алекс прильнул к экрану компьютера. Нижние триста метров показывали обычное чередование геологических пластов – известняков, глин, песчаников. Зонд продолжал медленно ползти вверх. Внезапно, на глубине две тысячи метров, левая кривая дала резкий отрицательный пик и одновременно две другие – столь же резкий положительный. Они как бы оттолкнулись друг от друга. Это противостояние пиков, направленных в разные стороны, сохранялось на протяжении тридцати метров, а затем кривые снова сблизились и вернулись к прежней спокойной маловыразительной форме. Алекс почуствовал, как кровь застучала в висках. За четверть века работы нефтяным геологом он пропустил через свои руки тысячи каротажных диаграмм. Но каждый раз, когда в новой скважине он обнаруживал этот характерный для нефтяного пласта «отпечаток пальцев» – комбинацию одной отрицательной и двух положительных аномалий, – его снова охватывало волнение, как и тогда, много лет назад, во время первой самостоятельной разведки на Северном Кавказе. А сейчас повод был особый, не сравнимый ни с каким другим за всю его прошлую карьеру. Это было нечто фантастическое, прорыв, в который трудно было поверить, но который все-таки стал реальностью и теперь может изменить всю технологию нефтяной разведки.

Крис, видимо, заметил его состояние.

- Что, понравилась картинка, док?

– Нормально. Бывают хуже, бывают лучше. Сделай мне принт, – попросил Алекс, стараясь не выдать волнения.

Через минуту из принтера вышла лента с диаграммой. Алекс положил ее на рабочий стол, закрыл глаза и провел пальцами по аномальной полосе, как слепой по тексту Брайля. «Мистика какая-то, – подумал он, – я почти осязаю нефть». На диаграмме нефтяной пласт толщиной тридцать метров занимал полоску шириной не больше десяти сантиметров. Алекс продолжал водить по ней пальцами, будто боялся, как когда-то в детстве, что это всего лишь красивый сон, который исчезнет как только откроешь глаза. Наконец он перестал ощупывать диаграмму и снова взглянул на нее. Ничто не исчезло, пласт-красавец был на месте. Алекс смотрел на него с таким чувством, с каким архитектор смотрит на свое творение и авиакон-

структор – на созданный им самолет. Разница была лишь в том, что он не создал этот пласт, он его вычислил. А если точнее, то электронный сигнал, указывающий на присутствие нефти, был впервые получен на экране другого компьютера за тысячи километров отсюда и задолго до бурения скважины. Но он никогда не увидит пласт в реальности, только на диаграмме. В этот момент он даже забыл о том, о чем они с Андреем не переставали думать и говорить весь последний год – их открытие взорвет нефтяную разведку, разрушит ее инфраструктуру, сделает ненужной отработанную до совершенства технологию и приведет к исчезновению сотен геофизических компаний. А такие дела безнаказанно не проходят. Они успокаивали себя тем, что до этого еще далеко, что у них еще будет время все обдумать и найти какое-то решение. И вот сейчас эта десятисантиметровая полоска вернула Алекса к действительности. «Черт возьми, а может быть, времени остается не так уж много, возможно, «день икс» где-то за ближайшим поворотом, – с тревогой подумал он и снова поймал себя на мысли, что детективный сюжет неотвязно вертится в голове. – «День икс» – это же из какого-то шпионского триллера. Но если бы только триллер! То, что их может ожидать, не укладывается в схему самого крутого сценария».

... Кабель медленно наматывался на барабан, приборы продолжали регистрировать параметры.

– Что там выше? Есть что-нибудь? – Алекс прервал затянувшееся молчание.

– Ничего особенного. Рутинка. Правда, над нижним объектом как будто бы есть еще метра три с нефтью, – ответил Крис.

– Понятно, – Алекс старался проявлять такое же «рутинное» спокойствие.

Крис Гибсон не знал, да и не должен был знать, как они вышли на этот участок. Он отвечал лишь за определенную техническую операцию. В таком же неведении находился и инженер Боб Адамс, руководивший бурением. Ему была заказана скважина в определенной точке на определенную глубину. Подробности он знать не должен. Оба они работали в специализированных сервисных фирмах.

Алекс снял с пояса мобильный телефон и набрал номер в Тель-Авиве. Там было три часа ночи, но Андрей ответил сразу.

– Не спишь? – спросил Алекс.

– Даже не ложишься. Рассказывай.

– Только что провели каротаж. Детали опускаю. Главное – мы в бизнесе. В большом бизнесе. Поздравляю.

– Спасибо, Лёха. Нельзя ли подробнее? – Андрей назвал Алекса его школьным именем.

– Если подробнее, то тридцать метров чистой нефти на глубине две тысячи.

– Ё-мое... Что будешь делать дальше?

– Спущу пластоиспытатель на бурильных трубах. Надо измерить давление в пласте и отобрать пробу нефти. Потом спуск обсадной колонны, перфорация и промышленные испытания. В общем, стандартные операции.

– Сколько времени займет испытатель?

– Если все будет нормально, то день-два.

– Последний вопрос, из-за моего невежества. Неужели можно вот так, только по диаграмме, сказать с полной уверенностью, что это чистая нефть и толщина пласта именно тридцать метров?

– Не всегда. Но в данном случае можно. И все же я решил застегнуться на все пуговицы, поэтому перед обсадкой скважины поработаю испытателем.

– Ну, дай бог. Постучим.

– Постучим. Спокойной ночи, Андрюха. Арриведерчи, – это красивое итальянское слово прилепилось к Алексу когда-то в Риме, и он никак не мог от него избавиться.

- Спокойной ночи. Ах да, у тебя еще день, – спохватился Андрей. – Утром позвоню Соросу. Обрадую старика.
- Привет ему от меня – Алекс отключил телефон.

2

Прошло три дня. За это время испытатель пласта полностью подтвердил прогноз Алекса. Из скважины была отобрана проба нефти. Она оказалась высокого качества, а пластовое давление обеспечивало ее добычу фонтанным способом. Отпадала необходимость в дорогостоящих скважинных насосах для подъема нефти на поверхность.

Когда из бурильной трубы извлекли немного нефти, Алекс обмакнул в нее большой палец, а затем подул на ноготь. Нефть равномерно растеклась по нему тонкой пленкой. Он внимательно посмотрел на нее и удовлетворенно отметил: «Чистая нефть, без малейшей примеси воды». Буровики с любопытством смотрели на него.

- Что это вы колдуете, док? – спросил инженер Боб Адамс.
- Смотрю, есть ли вода.
- Вода? Но ведь она в эмульсии не видна на глаз. Мы можем сделать анализ и определить точно, – предложил Адамс.
- Не видна, конечно. Но если смотришь двадцать пять лет, то начинаешь видеть...

С этим приемом Алекс познакомился еще во время институтской практики на одном из грозненских нефтяных промыслов. Был он тогда в обучении у старого мастера с запоминающимся именем – Филимона Сердечкина, проработавшего в добыче нефти сорок лет. Мастер неспешно, но основательно передавал ему секреты профессии, которых нет в учебниках. Был среди них и «анализ по ногтю». Алекс несколько раз, с согласия Филимона, проверял его самого – перемешивал разные объемы нефти и воды до состояния однородной эмульсии, и тот определял содержание воды с точностью до одного процента. Тут же проводили лабораторный анализ, и результат полностью подтверждался. К концу практики Алекс и сам, к удовольствию мастера, освоил этот метод и потом не раз удивлял им сослуживцев. Однажды даже выиграл на спор бутылку коньяка.

Тем временем трейлеры заканчивали подвоз труб для обсадной колонны. Их сначала выгружали на горизонтальный помост, а затем устанавливали вертикально на площадке около вышки. Вертикальная труба захватывалась специальным устройством, приподнималась над площадкой, переносилась к устью скважины и опускалась в нее. Верхний конец зажимался, и к нему подавалась следующая труба, которая свинчивалась с первой огромными гидравлическими ключами. Потом обе они опускались в скважину, и операция повторялась. Таким образом, труба за трубой, была опущена колонна общей длиной более двух километров.

Как только спуск колонны закончился, в дело вступили цементирувочные агрегаты. Их задача состояла в том, чтобы заполнить скважину цементным раствором, а затем выдавить его через низ колонны в затрубное пространство и поднять на нужную высоту между колонной и стенками скважины. После завершения этой операции скважина была оставлена в спокойном состоянии на сутки, чтобы цемент схватился и образовал прочное кольцо вокруг обсадной колонны.

Наконец, наступил решающий этап – создание постоянных каналов, по которым нефть будет поступать из пласта в скважину. Для этого в колонну, заполненную тяжелой буровой жидкостью, была спущена на электрическом кабеле гирлянда перфораторов. Ее установили точно напротив пласта. В многочисленных радиально расположенных горизонтальных стволах перфоратора размещены мощные кумулятивные заряды, способные пробить стальную трубу и цементное кольцо.

Алекс не мог даже вспомнить, сколько раз он проводил такие операции на скважинах, но только дважды до этого ему захотелось самому встать у пульта и нажать кнопку. Один раз это было при открытии первого в его жизни месторождения, а другой – незадолго до отъезда из России, когда он решил таким образом отметить свое последнее открытие в стране. И вот сейчас он подумал, что не только должен сам произвести залп, но и дать такую возможность своему другу и партнеру. Это будет символично и справедливо.

Неожиданный ночной звонок встревожил Андрея.

– Что-то случилось? – сон моментально слетел с него.

– Все в порядке, Андрей. Просто мы спустили перфоратор и сейчас будем простреливать колонну. Не хочешь ли принять участие?

– С удовольствием. Но как это сделать?

– Ну, дай команду. А я ее выполню. Я готов.

– Огонь из всех стволов! – вдруг отчеканил Андрей командирским голосом.

– Есть огонь! – ответил Алекс и нажал кнопку.

Так, впервые в истории, скважина в Канаде была прострелена по команде из Тель-Авива. «Хороший газетный заголовок, – усмехнулся Алекс. – Находка для журналистов». Приборы зафиксировали залп. Тонкие струи жидкого металла, выброшенные из перфораторов со скоростью десять километров в секунду, пробили сталь и цемент, отделявшие скважину от нефтяного пласта. И если бы не столб тяжелой буровой жидкости, которой была заполнена колонна, нефть ворвалась бы в нее с бешеной скоростью через пробитые отверстия и устремилась к поверхности. Теперь только эта жидкость удерживала ее в пласте. Следующий день ушел на постепенную замену буровой жидкости более легкой водой до того момента, когда давление водяного столба стало меньше давления в пласте. Нефть начала медленно поступать в скважину, вытесняя воду.

В конце дня Алекс записал в дневнике: «Сегодня группа Double AA («Дабл Эй») открыла первое в мире нефтяное месторождение Камерон методом прямого обнаружения». «Дабл Эй» означало двойное AA. Андрей расшифровывал это как «Алекс и Андрей», а Алекс – как «Андрей и Алекс». Но в документах расшифровки не было, указывалось только «AA».

Скважина-открывательница была оснащена необходимым для фонтанной добычи нефти наземным оборудованием и законсервирована. Оплата за нее поступила на счет буровой фирмы «Дриллинг Энтерпрайз» из швейцарского банка. Инвестиционная группа «Дабл Эй» заказала этой же фирме бурение четырех дополнительных разведочных скважин для точного определения границ месторождения и запасов нефти. Контракт с фирмой подписал генеральный директор «Дабл Эй» доктор геологии Алекс Франк.

До начала бурения оставалась неделя, и в это время возникли некие непредвиденные обстоятельства. Алекс срочно прилетел в Израиль, чтобы обсудить их. На следующий день они встретились втроем – Алекс, Андрей и тот, кого они называли между собой «наш Сорос». Его настоящее имя было Шмуэль. Это был человек очень известный в стране и очень богатый. Алекс и Андрей познакомились с ним год назад. Они пришли к нему практически с улицы, без рекомендаций и без помощи посредников. Просто позвонили, и секретарь назначила им встречу. Их единственной рекомендацией были прошлые профессиональные достижения и результаты проверки метода на уже известных нефтяных месторождениях. Имея печальный опыт предыдущих подобных встреч, они ожидали столкнуться с недоверием и плохо скрытым подозрением, что два проходимца с докторскими дипломами пытаются раздобыть деньги на какую-то псевдонаучную аферу. Но на этот раз все было иначе. Шмуэль сразу же расположил их своей простотой, открытостью и стремлением вникнуть в самую суть технических вопросов. Он встретил их широкой улыбкой, которая, впрочем, не скрывала хитрого прищуря глаз.

- Молодые люди хотят поговорить о деньгах. Я не ошибаюсь?
- Нет, не ошибаетесь, – в тон ему ответил Алекс.
- Прекрасно. Молодые люди хотят предложить деньги мне или просить у меня?
- продолжал Шмуэль в нарочитой манере старого мудрого еврея, который знает все о деньгах и о людях.
 - Предложить вам.
 - Так я и знал, – удовлетворенно произнес Шмуэль, – молодые люди хотят предложить мне сто тысяч долларов в обмен на мои двести. Или я что-то напутал в арифметике?
 - Немножко напутали. Мы хотим предложить вам двести пятьдесят миллионов в обмен на пятнадцать.
 - О, это уже становится интересным. Можно спросить, из чего молодые люди собираются сделать двести пятьдесят миллионов?
 - Из ваших пятнадцати, – невозмутимо ответил Алекс.
 - Очень, очень знакомо. Ну что ж, рассказывайте, – Шмуэль откинулся на спинку кресла и приготовился слушать, не скрывая иронии умудренного жизнью человека.

Их разговор продолжался четыре часа. Уже через полчаса Шмуэль распорядился, чтобы его ни с кем не соединяли и не отрывали никакими вопросами. По мере того как Алекс и Андрей раскрывали суть дела, его прежнее благодушно-шутливое настроение сменялось сосредоточенным вниманием и нескрываемым интересом. Все было для него новым и незнакомым. Поэтому он попросил начать с основных принципов нефтяной разведки. Его особенно поразил тот факт, что из каждых ста разведочных скважин находят нефть в не более чем двадцати, а остальные восемьдесят оказываются «сухими», и затраты на их бурение не окупаются. Иными словами, по степени риска и по размеру вознаграждения за него в случае успеха никакая другая промышленность даже не приближается к поискам нефти. И этот огромный риск постоянно сопутствует нефтяному бизнесу, несмотря на то, что разведка опирается на самую современную науку и технологию. Сегодня, как и сто лет назад, ответить на главный вопрос: есть ли на каком-то конкретном участке нефть или ее здесь нет? – может только скважина. Пока она не пробурена, геологи и геофизики оперируют лишь таким зыбким критерием, как степень вероятности. Решение о бурении разведочной скважины – этого самого дорогостоящего этапа поискового процесса – всегда принимается при отсутствии уверенности в конечном положительном результате. Каждый разведчик знает, что окончательный ответ может дать только «профессор долото». А этот «профессор» – самый дорогой эксперт в мире. Однако без его помощи нефтяная разведка обойтись не может. «Причина в том, – закончил Алекс, – что образование залежей нефти в недрах земли – это все еще один из самых загадочных природных феноменов. Многие знают о нем немного, немногие – много, но никто не знает достаточно».

Шмуэль внимательно слушал.

– И вы утверждаете, молодые люди, что не нуждаетесь в помощи этого дорогого «эксперта», как вы его называете, и что еще до бурения скважины можете сказать – есть ли под землей нефть. Если я правильно понимаю, вы можете пробурить сто скважин, и ни одна из них не будет сухая? – Шмуэль не скрывал своего недоверия.

– Вы поняли совершенно правильно. Именно это мы утверждаем, – твердо ответил Алекс.

– Не могли бы вы объяснить, как это можно сделать?

– Разумеется, мы готовы дать необходимые объяснения. Но, если не возражаете, на данном этапе мы хотели бы воздержаться от некоторых технических деталей, которые составляют ноу-хау. Если мы придем к соглашению, то вы получите техническую информацию в полном объеме.

– Хорошо, – согласился Шмуэль. – Рассказывайте, что можете, но только так, чтобы я понял.

– Эту часть дела объяснит доктор Шейнман. Он физик-электронщик, и это его область. Хочу только добавить, что наш метод поисков нефти является так называемым методом прямого обнаружения. В этом его отличие от всех других применяемых сегодня поисковых технологий, которые основаны на косвенных признаках присутствия нефти.

Разговор продолжил Андрей.

– Если коротко, то мы отбираем на участке, который нужно оценить, образцы почвы с глубины два метра от поверхности. И анализируем их на специальном приборе, который я сконструировал. Общий принцип этого анализа хорошо известен в физике и широко применяется в разных областях. Но я ввел в него дополнительную операцию, которая позволяет определить некий ранее неизвестный физический параметр. Мы называем его индекс. И этот индекс ведет себя различно на участках, где есть нефть и где ее нет. Количественная разница между ними в среднем десятикратная, то есть если условно принять индекс на участке без нефти за десять, то на нефтяном он составляет примерно сто. Это как отпечатки пальцев. Ошибиться просто невозможно. Иными словами, индекс содержит прямую информацию о наличии или отсутствии нефти.

– Где был проверен ваш метод и каковы результаты? – вопросы Шмуэля становились все более четкими и конкретными.

– Метод был проверен на четырех месторождениях в России, на трех в Америке и на одном в Израиле около Ашкелона, которое у нас, как вы знаете, единственное. В общей сложности на восьми месторождениях. Во всех случаях получено стопроцентное подтверждение, то есть, как я уже сказал, разница между образцами, отобранными над нефтяными залежами и за их пределами, в среднем десятикратная.

– У вас есть какое-то документальное подтверждение того, о чем вы говорите?

– Есть таблицы анализов, спектральные диаграммы, карты месторождений с точками отбора образцов и величинами индекса.

– Они у вас с собой?

– Да, конечно. Хотите посмотреть?

– Обязательно.

Андрей разложил на столе материалы и дал объяснения.

– Удивительно, но я все понял, – воскликнул Шмуэль. – Это настолько просто и понятно, что возникает вопрос – а не нарисовали ли вы это сами?

Андрей и Алекс пожали плечами и натянуто улыбнулись. После короткого замешательства Алекс сказал:

– Ну, во-первых, насчет простоты. Это так же просто, как Колумбово яйцо. Пока Колумб не принял верхушку и не поставил его вертикально, никому даже в голову не приходило, что так можно сделать. А во-вторых, насчет того, что мы это сами нарисовали. Если нарисовали, то с какой целью? Один умный человек сказал: обманывать других – грех, обманывать себя – преступление.

– Ну, знаете... Вам же нужны деньги. А ради денег можно и не такие картинки нарисовать.

Наступило неловкое молчание.

– До денег мы еще не дошли. Перед тем как принять решение, у вас будет возможность сделать собственную независимую проверку. Пошлите своих людей на месторождение под Ашкелоном. Пусть они отберут образцы в любых точках над нефтяной залежью и за ее пределами. Технически это несложно. А мы сделаем анализы. Результаты вы нанесете на карту, и тогда все станет ясно, – нашел выход Алекс.

Предложение Шмуэлю понравилось.

– Ну что ж, пожалуй, мы так и сделаем. А сейчас еще один вопрос. Я не очень силен в физике, но хотелось бы знать, как возникает эта десятикратная разница вашего параметра, за счет чего?

Ответ поразил Шмуэля.

– Мы этого не знаем. Мы просто наблюдаем ее эмпирически, но физическая природа явления нам неизвестна.

– Позвольте-позвольте. Как это – неизвестна? Это что же – шаманство?

– Ну, не совсем шаманство. Но если хотите, можно назвать и так. Мы не возражаем. Главное, что оно позволяет «видеть» нефть под землей.

– И вы хотите получить пятнадцать миллионов долларов под метод, который даже не можете объяснить? – Шмуэль намеренно старался казаться возмущенным, хотя заинтересованность его была очевидной.

В разговор вмешался Алекс.

– Но в этом нет ничего необычного. В истории техники не раз бывало, что открытие начинали применять на практике задолго до того, как могли объяснить его теоретически. Возьмите компас. Письменные упоминания об использовании его мореплавателями относятся к одиннадцатому веку, а первая гипотеза земного магнетизма, объяснявшая поведение магнитной стрелки, была выдвинута Джилбертом лишь спустя три столетия. Природа позаботилась о том, чтобы тайны и их разгадка лежали достаточно далеко друг от друга – и во времени, и в пространстве. Представьте себе судьбу мореплавания до Джилберта, если бы от компаса отказались на том основании, что физическая природа его неизвестна. Разумеется, без теории природные явления объяснить нельзя, но использовать можно.

Этот пример не рассеял сомнения Шмуэля.

– Допустим. Но все же здесь есть о чем подумать. Пятнадцать миллионов – большие деньги. Нужны твердые гарантии, что это надежное дело. Согласны?

– Совершенно согласны, – ответил Андрей. – И поэтому я хотел бы напомнить одну историю, которая поможет вам оценить ситуацию. Однажды к Наполеону пришел некий американец по имени Роберт Фултон и предложил заменить паруса на военных кораблях паровой машиной. Наполеон не считал себя специалистом в морских делах и направил его к своим адмиралам. Их заключение было категорическим – абсурд, паровая машина не может заменить паруса. Разочарованный Фултон переправился через Ла-Манш и обратился с тем же предложением в Британское адмиралтейство. Там подумали и решили, что стоит попробовать. В итоге британский флот заменил парусники паровыми судами, и Англия стала владычицей морей. По существу, каждый, от кого зависит судьба новой идеи, должен принять одно из двух решений – «французское» или «английское». И это определяет его место в истории...

– Я вас понял, – рассмеялся Шмуэль, – вы хорошо подготовились, молодые люди. Компас, паровая машина... И все же пятнадцать миллионов – деньги немалые.

– Хотите узнать продолжение истории с паровой машиной? – предложил Андрей, почувствовав, что интерес Шмуэля нужно немного подогреть.

– А что, еще есть продолжение?

– Есть. И довольно любопытное.

– Давайте. Вы мне устроили интересный день сегодня. Рассказывайте.

– Вы, конечно, знаете, что разработка американской атомной бомбы или Манхэттенский проект начинался с письма Эйнштейна Рузвельту в августе тридцать девятого. В нем великий физик, опасаясь успехов германских ученых в этой области, попытался убедить президента в необходимости создания собственного ядерного оружия. И просил выделить на его разработку крупную по тем временам сумму. Письмо передал Рузвельту научный консультант Белого дома. Президент

прочитал его и сказал, что приближается война и деньги нужны на более реальные вещи, а не на фантастические идеи чудаковатых ученых. И кроме того, добавил он, я просто не представляю, как из невидимого атома можно получить такую уйму энергии. Попытки консультанта объяснить Рузвельту физическую природу явления не поколебали его. Тогда он рассказал историю про Наполеона, Фултона и Британское адмиралтейство. Рузвельт внимательно выслушал и молча написал на письме короткую фразу, адресованную министру финансов Моргенту: «Генри, я полагаю, что предложение профессора Эйнштейна заслуживает положительного решения». Манхэттенскому проекту был дан зеленый свет...

– Черт возьми! – воскликнул Шмуэль. – Атомной бомбой вы меня добились. Давайте говорить о деньгах. Итак, допустим, вы получаете пятнадцать миллионов. Что дальше?

– Дальше мы подаем заявку на участие в одном из тендеров на разведочные концессии или блоки в какой-либо стране. Выбираем район вдали от населенных центров. Перед началом тендера выезжаем в поле и отбираем образцы на всех блоках, выставленных на торги. Удаленность от населенных мест поможет сделать это незаметно. К моменту торгов мы уже будем точно знать, где есть нефть. Выигрываем тендер по бесспорно нефтяному блоку. Если будут конкуренты, то предлагаем наилучшие условия. Получив разведочную концессию, сразу же начинаем бурение без предварительных сейсмических исследований, которые необходимы по существующей конвенциональной «косвенной» методике разведки, но которые еще не гарантируют, что пробуренная по их результатам скважина встретит нефть. Открыв нефть первой скважиной, бурим три-четыре дополнительных для определения размеров и запасов месторождения. После этого выставляем его на продажу, как любой другой вид собственности – завод, танкер, земельный участок. На вырученные деньги проводим такую же операцию в какой-либо другой стране, затем в следующей и так далее. Наш принцип – пришел, нашел, продал. На начальном этапе мы будем избегать повторного появления в одной и той же стране, так как это может привлечь нежелательное внимание нефтяных компаний.

– Во что обойдется открытие одного месторождения и какова может быть его рыночная стоимость? – спросил Шмуэль.

– С учетом бурения четырех-пяти скважин, всех других затрат и накладных расходов открытие и последующая разведка обойдутся примерно в пятнадцать миллионов долларов. В случае среднего по запасам месторождения оно может быть продано не меньше чем за двести пятьдесят миллионов.

– Это означает, что норма прибыли более тысячи шестисот процентов, – быстро подсчитал Шмуэль. – Неслыханно!

– Да, норма прибыли, неизвестная в других отраслях промышленности. Именно она и делает нефтеразведку рентабельным бизнесом даже при условии, что восемьдесят скважин из ста бурятся впустую. Иначе ни одна нефтяная компания не могла бы позволить себе такой риск. Но в нашем случае, пользуясь этой же нормой прибыли, мы одновременно избегаем риска бурения сухих скважин.

– Знаете что, молодые люди, – слишком много информации за один день, – подвел итог Шмуэль. – Я должен все обдумать и посоветоваться со своим адвокатом. Но сначала мы отберем образцы на Ашкелонском месторождении. И для этого мне нужна ваша карта с его границами. Продолжим разговор после получения результатов анализа. Ну что ж, на сегодня все. Благодарю вас. Было очень интересно. Очень.

Через неделю сотрудник Шмуэля доставил пятьдесят образцов, обозначенных только номерами и отобранных как над месторождением, так и за его пределами. В течение двух дней анализы были готовы, и состоялась вторая встреча. Шмуэль тут же, в их присутствии, стал наносить результаты на собственную карту, где были обозначены границы месторождения, точки отбора и номера образцов.

Алексу и Андрею эта карта не была известна. Они сидели в креслах в дальнем углу кабинета и молча наблюдали. Пока Шмуэль был поглощен этим занятием, его лицо оставалось непроницаемым. Наконец он закончил и посмотрел на них так, будто видел впервые.

– Ну что вам сказать, молодые люди, – медленно начал Шмуэль, но затем не удержался и выпалил: – можете считать, что пятнадцать миллионов у вас в кармане.

Через минуту в кабинете появился адвокат Рон Берман и вручил Алексу и Андрею по экземпляру какого-то документа. К их удивлению, это был контракт, подготовленный заранее. Среди прочего в нем содержались следующие условия: отказ от патентования прибора и метода; запрет на передачу ноу-хау любой третьей стороне; полная секретность всего, что связано с местонахождением прибора, проведением разведочных работ и их финансированием; название фирмы не должно раскрывать характер ее деятельности (наш девиз «Esse non videri» – «существовать невидимо», объяснил Шмуэль); фирма должна быть зарегистрирована в офшорной зоне. В параграфе «Распределение прибылей» доля Шмуэля была оговорена в размере семидесяти процентов, а совместная доля Алекса и Андрея составляла остальные тридцать процентов.

После короткого обсуждения они решили принять все условия. Патентование прибора не могло гарантировать его от пиратского воспроизведения, а затем и незаконного использования метода конкурентами. Поэтому наилучшим решением был пример компании «Кока-Кола», которая вот уже почти сто лет тщательно охраняет секрет незапатентованной рецептуры своего напитка. Что касается прибылей, то хотя соотношение было не очень справедливым, Алекс и Андрей не стали поднимать этот вопрос. В конце концов, тридцать процентов выглядели такой привлекательной суммой, что о львиной доле Шмуэля можно было и не думать. Им было хорошо известно «золотое правило» Мэрфи: «Тот, кто владеет золотом, устанавливает правила». Золотом владели не они, поэтому не им и правила устанавливать. Здесь же, в кабинете Шмуэля, они предложили название: «Инвестиционная группа «Дабл Эй»». «Сорос» не возражал. Он не был заинтересован в том, чтобы в названии фигурировало его имя.

3

Через два месяца правительство Альберты объявило тендер на шесть смежных блоков в одном из удаленных северных районов провинции. В течение десяти дней Алекс с помощью нанятого им временного работника отобрал на них образцы почвы и переслал их Андрею почтой «федерал-экспресс». Спустя неделю он получил по факсу результаты. К его удивлению, нефтяным оказался только один блок Камерон, наиболее удаленный от единственного известного в этом районе нефтяного месторождения Блэк Крик. Логика подсказывала, что по этой причине именно он вызовет наименьший интерес у участников тендера. Так оно и произошло. Желаящих приобрести этот блок не нашлось, и «Дабл Эй» оказалась единственным заявителем. Соответственно и сумма обязательного взноса при подписании контракта с правительством оказалась наименьшей.

После опубликования в официальном бюллетене результатов тендера его участники решили, что никому не известная группа «Дабл Эй» – это дилетанты, которым некуда девать деньги и которые думают, что поиски нефти – это «русская рулетка». Такое мнение еще более укрепилось, когда стало известно, что группа зарегистрирована в Гибралтаре. А когда «Дабл Эй», не проведя предварительные сейсмические исследования, вдруг заказала скважину буровой фирме «Дриллинг Энтерпрайз», она вообще стала предметом насмешек в деловом клубе Калгари, нефтяной столицы Альберты. С этого момента профессионалы утратили к ней

всякий интерес. Как заметил один местный остряк: «Эти ребята слишком буквально воспринимают закон поиска Мэрфи – начинать надо с самого неподходящего места». Поэтому, когда скаут Джим О'Коннор сообщил компании «Игл Корпорэйшн», канадскому филиалу одноименного чикагского концерна, на которую он работал и которая приобрела блок, ближайший к месторождению Блэк Крик, что эти сумасшедшие парни из «Дабл Эй» получили нефть, ему просто не поверили. Вице-президент Билл Дэвис даже высказался в том духе, что компания платит деньги не за то, чтобы он сочинял для них рождественские сказки.

О'Коннор только недавно был принят в Ассоциацию скаутов, и такое недоверие могло отразиться на его профессиональной репутации. Нефтяные компании нанимают скаутов для сбора всевозможной информации о конкурентах и хорошо оплачивают их услуги. Зачастую в своей работе скауты используют не вполне легальные методы, но заказчики смотрят на это сквозь пальцы. Поэтому Джим О'Коннор решил доказать свою правоту. Он отправился из Калгари за тысячу километров в район бурения и сделал несколько фотографий специальной камерой с большого расстояния. На снимках была четко видна фонтанная арматура на устье скважины – свидетельство того, что она уже подготовлена к добыче нефти. О'Коннор вошел с победным видом в кабинет вице-президента и разложил фотографии на столе.

– Что это, Джим? – спросил Дэвис.

– Скважина «Дабл Эй», сэр.

Дэвис бегло взглянул на снимки, и его лицо приняло озабоченное выражение.

– Я был неправ, Джим. Прошу извинить. Это очень важная информация. Надеюсь, мы и дальше будем сотрудничать, – Дэвис дружески похлопал скаута по плечу.

– Все в порядке, мистер Дэвис. Я рад, что фотографии вам понравились. Работать с вами большое удовольствие.

– Понравились или нет – это другой вопрос. А сейчас вот что, Джим. Надо поговорить с ребятами из «Дриллинг Энтерпрайз» и попытаться узнать глубину скважины и все, что касается пластоиспытателя, – если они его спускали. А главное – видели ли они карту, по которой была выбрана точка бурения? Это самое важное. Кроме того, узнай, какая фирма проводила каротаж. С ними тоже нужно встретиться и попытаться выяснить глубину нефтяного пласта и интервал перфорации. Оплата за эту работу – сверх контракта.

– Спасибо, мистер Дэвис. Сделаю все возможное. Как срочно это требуется?

– Очень срочно. Чем быстрее, тем лучше, – с лица Дэвиса не сходила озабоченность.

Через пару дней О'Коннор снова появился в кабинете вице-президента.

– Странные дела происходят, мистер Дэвис, доложу я вам. Люди из «Дриллинг Энтерпрайз» замолкают, как только речь заходит о скважине «Дабл Эй». Я познакомился с парнем из буровой бригады и поставил ему кружку пива. Болтали о том, о сем. Но стоило мне упомянуть эту чертову скважину, как он тут же уткнулся в кружку и тянул пиво минут десять. Удалось только выяснить, что это был какой-то особый контракт с оплатой по высшей категории и что все они подписали обязательство о неразглашении информации. Признаюсь вам, мистер Дэвис, никогда не слышал о таких делах.

– Так, так, Джим. Интересно. А что насчет каротажа и перфорации?

– Каротаж и перфорацию проводила фирма «Вэлл Сервисез». Там дела еще почище, чем в «Дриллинг». Я пригласил оператора лебедки пропустить по стаканчику. Парень компанейский, любитель почесать языком и не дурак угоститься за чужой счет. Выпили мы с ним по одному, потом по другому, потом еще. И тут я задал вопрос насчет «Дабл Эй». Мой приятель сразу протрезвел, как-то нехорошо посмотрел на меня и спросил: «Слушай, парень, тебя кто прислал?» Встал, расплатился и ушел. Такие дела, мистер Дэвис, доложу я вам, – Джим О'Коннор был в полном недоумении.

– Спасибо, Джим. Ты хорошо поработал, – Дэвис сказал это без иронии, но Джиму в его словах почудилась насмешка.

– Очень жалею, мистер Дэвис. Поверьте, я старался как мог. Но если человек не хочет говорить, тут уж ничего не поделаешь.

– Не переживай, Джим. Ты все сделал правильно. Спасибо, – успокоил его Дэвис.

В тот же день Алексу позвонил инженер Боб Адамс из «Дриллинг Энтерпрайз» и сообщил, что скважиной усиленно интересуются. Охранник заметил джип «тойота» красного цвета, который целый час кружил вокруг нее на большом расстоянии. Машина несколько раз останавливалась, водитель становился на крышу и фотографировал скважину с разных направлений. Охранник следил за ним в бинокль и даже записал номер машины. А к рабочему из буровой бригады кто-то подсел в пабе и пытался получить информацию. Алекс поблагодарил Адамса и взял у него номер джипа. Вскоре интерес к скважине подтвердил и Крис Гибсон из «Вэлл Сервисез».

«Похоже, карусель начинается раньше, чем мы ожидали», – с тревогой подумал Алекс. Он хорошо представлял себе возможные последствия такого интереса со стороны нефтяных компаний и вероятное развитие дальнейших событий. В бизнесе, в котором крутятся миллиарды долларов, профессиональная этика, рамки приличий и уважение к частной собственности, в том числе к интеллектуальной, существуют только до определенного предела. За этим пределом действуют другие правила, не имеющие ничего общего с так называемыми цивилизованными нормами и порядочностью. Невидимая граница, разделяющая эти две области человеческого поведения, определяется только деньгами. То, что считается предосудительным, когда речь идет, допустим, об одном миллионе долларов, становится возможным при десяти миллионах. При ставке в сто миллионов границы допустимого раздвигаются в геометрической прогрессии. А миллиард долларов снимает любые мыслимые ограничения, все становится приемлемым – взломы, похищения, убийства, транспортные катастрофы с многочисленными жертвами и даже государственные перевороты. За кулисами этих событий могут стоять не только маньяки, жаждущие несметного богатства, но и уважаемые корпорации с их огромными возможностями слежки, шпионажа и организации всевозможных «акций». Там, где речь идет о миллиардных прибылях, правила игры одинаковы и для белых воротничков из роскошных офисов на верхних этажах небоскребов, и для наркобаронов из колумбийских джунглей. Поэтому, получив тревожную информацию от Адамса и Гибсона, Алекс срочно прилетел в Израиль. То, что он узнал, требовало серьезного обсуждения.

4

Шмуэль тепло приветствовал Алекса, обнял, похлопал по спине.

– Выглядишь неплохо, профессор. Но видно, что солнца недобрал. Ничего, здесь прогреешься. Что стряслось?

Алекс рассказал то немногое, что узнал от людей из «Дриллинг Энтерпрайз» и «Вэлл Сервисез». Первым высказал свое мнение Андрей. Его реакция была довольно спокойной.

– Но, может быть, это обычное любопытство, которое компании проявляют друг к другу? Пробурена скважина, обнаружена нефть. Естественно, что другим не терпится получить техническую информацию. Я бы расценил это именно так.

– Дело вот в чем, Андрей. Три компании, которые работают на блоках, соседних с нашим, только сейчас начинают сейсмические исследования. К бурению они приступят лишь тогда, когда обработают сейсмические данные и определят по ним наиболее перспективные участки. А мы за это время без всякой сейсмики

уже пробурили скважину и получили нефть. Сначала они смотрели на нас как на дилетантов, которые вообще не знают, что такое разведка и с чем это блюдо едят. Такие разговоры до меня доходили. А сейчас что-то заподозрили и пытаются разобраться, что происходит. Судя по почерку, пока этим занимаются скауты. Но очень скоро их заменят настоящие профессионалы. И они не отступят, пока не докопаются до сути. Докопаться, конечно, не смогут, но вопросов у них появится много. Я знаю эту публику – чем больше вопросов, тем больше людей и денег будет брошено на то, чтобы расколоть орешек. Можно только гадать, где они остановятся. Если вообще остановятся. И мы к этому должны быть готовы. Нельзя сказать, что все это для нас полная неожиданность. Как вы знаете, мы предусматривали такую ситуацию. Но она может возникнуть гораздо раньше, чем ожидалась. И то, что мы вовремя получили сигнал, дает нам некоторое преимущество. Теперь надо решить, что и как следует делать. Спасибо за внимание, – шутливо закончил Алекс.

Шмуэль и Андрей улыбнулись.

– Я хотел бы узнать насчет того парня, который помогал тебе отбирать образцы. Кто он такой и где сейчас? Могут ли скауты до него добраться? – спросил Шмуэль.

– Это был безработный электромеханик из Квебека по имени Пьер Леже. Он уже собирался возвращаться домой, когда я увидел его на бирже труда в Калгари. Пьер произвел хорошее впечатление, и я предложил ему поработать дней десять за четыре тысячи баксов. Для него это была большая удача, и он сразу согласился. Я снял для него гостиницу в Вермиллионе. Мы работали ручным электробуром, а Пьер хорошо знал этот инструмент. Насколько мне известно, он уехал в Квебек через недели полторы после окончания работы. И все это время жил в Вермиллионе. Близких друзей у него в Альберте не было. Вот все, что могу сказать.

– Ну, будем считать, что с этой стороны все спокойно, – заключил Шмуэль.

– Но вот общая ситуация мне не кажется такой безоблачной. Я с Алексом согласен – мы получили сигнал, и надо как следует подготовиться к возможному развитию событий. Мне кажется, что прежде всего нужно подумать об охране. Я имею в виду и личную охрану Алекса и охрану буровой установки. Не думаю, что на этом этапе возможны попытки покушения, хищения, кражи и подобные трюки. Но слежка наверняка будет, и задача охраны ее блокировать. Как молодые люди к этому относятся?

Андрей казался совершенно подавленным происходящим.

– Я слушаю вас обоих, и начинает казаться, что все мы герои какого-то шпионского детектива. Не знаю, что и сказать. Я о таких делах могу судить только по кинофильмам. Поэтому полагаюсь на ваш опыт и здравый смысл. Если вы считаете, что нужна охрана, то я не против.

– Шмуэль прав, – решительно заявил Алекс. – Задача охраны блокировать слежку и не допустить, чтобы кто-то сунул нос в наши дела. Мне одному с этим не справиться. Тем более что неизвестно, с какой стороны может быть наезд. Поэтому пара профессионалов была бы весьма полезна.

– Очень хорошо. Я имел в виду именно профессионалов, а не телохранителей узкого профиля. Итак, решено.

Шмуэль вызвал секретаря и попросил соединить его с Давидом Бен-Эзрой, директором частного охранного агентства.

– Это мой старый товарищ, полковник в отставке, – объяснил он. – У него лучшие ребята в стране. Суг алеф¹.

– Мистер Бен-Эзра на линии, – сообщила секретарь.

– Шалом, Давид. Как дела? – приветствовал его Шмуэль. – Твоими ребятами еще кто-то интересуется? Даже людей не хватает? Это хорошо. Каждому из нас

¹ Первый сорт – иврит.

чего-то не хватает. Кому здоровья, кому денег, кому людей... Давид, мне нужны трое надежных парней англосаксонского типа, с безупречным английским, неброской внешностью, умеющих думать и анализировать. Работа за океаном. Срок? Минутку, сейчас узнаю.

Шмуэль повернулся к Алексу: «Сколько времени нам нужно, чтобы закончить дела в Альберте?»

– Думаю, месяца четыре. Не меньше.

– Давид, работа примерно на пять месяцев. Спасибо. Жду звонка. Шалом.

Два дня Алекс провел дома. Рахель привыкла к его частым поездкам за границу и принимала это как неизбежность, с которой нужно просто смириться. Раньше, когда он консультировал иностранные компании, они обычно ездили вместе. Но последние два года работа Алекса изменилась, и он не мог брать ее с собой. В чем именно заключалась его новая работа, она не знала, а он не торопился посвящать ее в детали и ограничивался лишь общими словами. Делал он это намеренно, чтобы уберечь семью от возможных неприятностей в будущем, хотя и не мог бы объяснить, каковы они могут быть и каким образом могут затронуть его близких. Было лишь смутное ощущение, что до поры до времени им лучше не знать о его делах. Им – это жене и сыну. Ури служил в армии, в бригаде морских командос. Когда Алекс приезжал, его обычно отпускали домой, и им удавалось короткое время побыть вместе. Так было и на этот раз. Ури получил отпуск на несколько часов и приехал на армейском джипе, загорелый, пропыленный. За два года службы он возмужал, окреп, приобрел уверенность в суждениях и поступках. Любуясь сыном, Алекс подумал, что он не мог бы быть его надежным помощником в Канаде. Впрочем, нет, он еще слишком молод. Для этой работы нужны более зрелые парни, умеющие не только владеть оружием и приемами рукопашного боя. Это как раз требуется меньше всего. Интересно, кого подберет Бен-Эзра?

Два дня пролетели незаметно, и на следующее утро Шмуэль назначил встречу в своем офисе. Когда Алекс и Андрей вошли в кабинет, там уже находились трое молодых людей лет тридцати, которые встали при их появлении. Шмуэль представил каждого: Габриэль Каминский, Гидеон Эйтан, Морис Шахар. Алекс незаметно обвел их внимательным изучающим взглядом. В их внешности не было ничего примечательного. Строгие темные костюмы, белоснежные рубашки, со вкусом подобранные скромные галстуки, до блеска начищенные туфли. В Канаде они могут сойти за типичных банковских служащих. В то же время в них чувствовалась едва уловимая физическая и интеллектуальная собранность, дававшая ощущение надежности и спокойной уверенности. Это проявлялось в коротких крепких рукопожатиях, сдержанных улыбках, прямых открытых взглядах, в манере говорить, задавать вопросы и отвечать на них.

Алекс рассказал о предстоящей работе. Отвечая на вопросы «охранников», он еще раз подчеркнул основные требования и условия, в которых им придется действовать. Во-первых, у них не будет оружия; во-вторых, силовые приемы допускаются лишь в исключительных случаях; в-третьих, их главная задача – наблюдение и предотвращение любых попыток получить информацию о группе «Дабл Эй». Сюда входят не только технические данные, но и сам тот факт, что группа израильская. В связи с последним условием сразу же возник вопрос о паспортах. У Алекса, кроме израильского, был еще и канадский паспорт. Гражданство он получил несколько лет назад, когда работал в этой стране. Поэтому ни он, ни Шмуэль не подумали сразу о документах для людей Бен-Эзры, у которых были только израильские паспорта. Это, конечно, была оплошность.

– Ну что ж, попробуем найти выход, – Шмуэль попросил секретаря соединить его с охранным агентством.

Он рассказал Давиду Бен-Эзре о возникшей проблеме и спросил, что можно сделать. Вопрос, видимо, озадачил его собеседника, который был не в восторге от этого нового требования.

– Я понимаю, что вы не «Мосад», – ответил Шмуэль, – но у тебя наверняка есть связи и разные специфические возможности... Нет, нет, только не банановая республика... Какая-нибудь англоязычная страна... Само собой – любая сумма. Спасибо, Давид. Я не сомневался. Шалом.

Через два дня «охранники» стали гражданами Южно-Африканской Республики.

5

Мощные гусеничные тягачи компании «Дриллинг Энтерпрайз» перетащили буровую вышку и оборудование на новую точку, в четырех километрах южнее нефтяной скважины. Одновременно начался монтаж дополнительной буровой установки на еще одной точке, в одиннадцати километрах к западу от нее. В совокупности эти три точки образовывали треугольник, внутри которого, по данным анализа почвенных образцов, находилось сплошное нефтяное поле. Две следующие намеренные к бурению скважины должны были образовать еще три смежных треугольника. Бурение разведочных скважин по такой треугольной сетке – это стандартный способ определения геометрических размеров месторождения и запасов нефти.

Алекс попросил компанию провести бурение этих четырех скважин не одной буровой установкой, как планировалось ранее, а одновременно двумя. Это позволяло сократить вдвое продолжительность разведки и закончить ее через три месяца. Работа двумя установками была, конечно, значительно дороже, чем одной. Но он, не задумываясь, изменил контракт и принял все финансовые условия «Дриллинг Энтерпрайз». В Тель-Авиве было решено завершить разведку в кратчайшие сроки и как можно скорее выставить месторождение на продажу. Это диктовалось не столько желанием скорейшего получения долгожданной прибыли, сколько необходимостью как можно раньше убраться из Канады.

Люди Бен-Эзры или служба безопасности группы «Дабл Эй», как они теперь официально назывались, составили детальный план работы, одобренный Алексом. Старшим был Габриэль, которого в шутку называли «глава службы» и который сопровождал Алекса, одновременно наблюдая за обстановкой в Вермиллионе. Он поддерживал постоянную связь со своими товарищами и координировал их действия. Гидеон и Морис большую часть времени проводили на буровых и контролировали окружающую территорию в радиусе десяти километров. В их распоряжении были «лэндрроверы», мобильные телефоны, приборы ночного видения, фотоаппараты с длиннофокусными объективами и детальные карты местности. Кроме того, в специальном тайнике машины Габриэля имелась портативная звукозаписывающая аппаратура с набором «жучков».

Через несколько дней обе установки были готовы к началу бурения. Почти одновременно на них взревели мощные дизельные двигатели, которые привели в действие электрогенераторы и насосы. Ожившие электромоторы начали вращать с огромной скоростью бурильные трубы с долотом на конце. Венчающие его многочисленные конические зубья из особо прочных сплавов способны разрушать самую твердую породу. А в это время насосы гнали через трубы к раскаленным долотам специальную буровую жидкость, которая охлаждала их и выносила на поверхность через затрубное пространство раскрошенные ими известняки, песчаники и окаменевшие спрессованные глины. Колонны бурильных труб, постоянно наращиваемые сверху, становились все длиннее и вонзались метр за метром в девственные геологические пласты, дремавшие десятки миллионов лет, пробиваясь через них к нефти. Вся эта скрытая от глаз разрушительная работа глубоко под землей и упорное, но безнадежное сопротивление природы натиску техники

фиксируются на поверхности бесстрастными показаниями приборов. Чуткие датчики регистрировали параметры буровой жидкости, давление, температуру, динамические напряжения в трубах. Скважина пульсировала, как живой организм, все части которого функционировали слаженно и бесперебойно.

Буровая установка с ее силовыми агрегатами, подъемными механизмами, контрольно-измерительными блоками, бурильным оборудованием и компьютерными системами управления не уступает по технологической оснащенности современному заводу. Однако если ценность завода заключается в нем самом, то разведочная скважина – это всего лишь «тонкая игла», вводимая в тело земли для добытия геологической информации. Как медицинский шприц, с помощью которого отбирают кровь для анализа. Стоимость такой информации огромна, как и стоимость самой «иглы». Поэтому соблазн получить ее за небольшие деньги, составляющие лишь ничтожную долю истинной цены, нередко перевешивает любые моральные и этические соображения. Мир нефтегазового бизнеса время от времени сотрясают громкие скандалы и судебные разбирательства, связанные с незаконным приобретением секретных геологических материалов, принадлежащих конкурентам. Определенную роль в этом играет и служба скаутов, хотя их задачи и возможности в области информационного шпионажа ограничены.

Вице-президент «Игл Корпорэйшн» Билл Дэвис снова вызвал Джима О'Коннора.

– Послушай, Джим. Похоже, что у нас действительно есть проблемы с «Дабл Эй». И теперь решение этой загадки становится просто делом принципа. Не можем же мы допустить, черт возьми, чтобы у нас под носом творились какие-то странные дела, а мы даже понятия не имеем, что происходит. «Игл» и «Дабл» почти соседи по блокам. Но они уже получили нефть и теперь бурят еще две скважины, а мы только проводим сейсмику. Не буду скрывать – руководство компании обеспокоено. Решено послать тебя в Вермиллион. Покрутись там, поговори с людьми. Ведь парни из «Дабл Эй» не в вакууме работают. Какие-то концы должны оставаться. Постарайся отыскать их, и попробуем потянуть за эти ниточки. Нас интересует любая информация о том, что происходило в районе трех озер до начала бурения. Запомни – любая! Даже если кто-то просто лопатой землю ковырял. Компания надеется на тебя, Джим.

– Сделаю все возможное, мистер Дэвис. Понимаю, как это важно. Но скажу честно – чертовски трудное задание. Я это понял, когда встречался с людьми из «Дриллинг» и «Вэлл», – Джим говорил заинтересованно, но без энтузиазма.

– Компания понимает это, Джим. Мне поручено передать, что ты сам можешь назвать размер гонорара.

– Я не об этом, сэр. Просто чертовски трудное дело, доложу я вам. Клянусь Гиппократом.

– А при чем здесь Гиппократ? – удивился Дэвис.

– Ну, так врачи говорят.

Алекс и Габриэль остановились в единственной гостинице в городе «Звезда Вермиллиона».

– Интересное название, мистер Франк, – заметил Габриэль, – «миллион» – это понятно, а что значит «вер»?

Алекс рассмеялся.

– Не то, что ты думаешь, Габи. Вермиллион – это название ярко-красной глины, из которой индейцы делают краску для лица. Она залегает где-то здесь недалеко... Итак, сегодня мы отдыхаем. Завтра утром я еду на вторую скважину, а ты займись городом. Поброди по улицам, в общем – почувствуй обстановку. Особых объектов у нас здесь нет. Вот разве только красная «тойота». Кстати, теперь можем называть ее «тойота вермиллион»...

Габриэль улыбнулся.

– О'кей, мистер Франк. Звучит красиво – «тойота вермиллион». Передайте привет Морису. Будем держать связь.

Они попрощались, и Габриэль ушел в свою комнату. На следующее утро он позавтракал в ресторане гостиницы и отправился в город. Собственно говоря, городом его можно было назвать только условно. Единственная улица с банком, парой магазинов и кафе, одним пабом. Короткие переулки по обе стороны от нее выходили на пустыри и на речку Пис Ривер. Людей на улицах было мало, машин еще меньше. Габриэль прошелся вдоль реки с низкими болотистыми берегами и повернул обратно. Потом зашел в паб и выпил кружку пива. Позвонил Гидеон, доложил, что все в порядке. Уже пробурили первую сотню метров. Сказал, что видел вертолет, летевший на высоте пятьсот метров с востока на запад. Через несколько минут получил такой же звонок от Мориса, который сообщил, что босс приехал и совещается с инженером. Габриэль сделал еще один круг по улицам, зашел в кафе, купил местную газету и пачку сигарет. Этой медленной прогулкой удалось убить почти три часа. Пора было возвращаться в гостиницу. Габриэль не спеша зашагал в сторону «Звезды Вермиллиона», размышляя о том, чем же можно будет заняться после обеда.

... Красный джип «тойота» он увидел еще издали. Машина стояла на паркинге гостиницы рядом с его «лэндровером». Габриэль ускорил шаг и вынул на ходу записную книжку. Хотя он знал номер «тойоты» наизусть, но все же решил лишний раз проверить себя. Подойдя ближе и разглядев цифры на плате, убедился, что не ошибся: «Вот она, наша «тойота вермиллион». Звучит, как миллион долларов». Это была та самая машина, о которой им стало известно еще в Тель-Авиве. Ну что ж, похоже, что после обеда ему будет чем заняться.

Габриэль вошел в гостиницу. В лобби никого не было. Но через стеклянные двери ресторана он увидел за столиком рыжего парня в клетчатой рубашке. Габриэль подошел к дежурному клерку.

– Фрэд, я бы хотел узнать, в каком номере живет владелец вон того красного джипа? Он поставил машину слишком близко к моей.

– Комната девять, сэр. Но он сейчас в ресторане. Вы ему можете об этом сказать.

– Спасибо, Фрэд. Э, пожалуй, не стоит беспокоить человека такими пустяками. Проще самому переставить машину.

Габриэль вышел на паркинг и отогнал «лэндровер» немного дальше от джипа. Вернулся в лобби и сказал клерку, который наблюдал за его действиями:

– Ну вот, теперь все в порядке. Ради этого не стоило беспокоить человека, который, наверное, устал с дороги. А сейчас пора и мне перекусить.

С этими словами он направился в ресторан. Теперь Фрэд в случае чего расскажет то, что видел. А это вполне обычная ситуация, не вызывающая подозрений. Очень часто успех или провал зависят от ничтожных мелочей. Понимание этого отличает профессионала от дилетанта. Габриэль Каминский был профессионал. Суг алеф, как сказал Шмуэль.

В ресторане был только один посетитель – владелец джипа. Габриэль сел за соседний столик и сделал заказ. Рыжий, видимо, закончил обед и допивал свое пиво. Минут через пять он встал и подошел к бару. Сел на высокий табурет, заказал стаканчик и начал болтать с миловидной девушкой, стоявшей за стойкой. Габриэль наблюдал за ними. Сидел он далеко и слов разобрать не мог. Сначала девушка занималась своими делами, и заметно было, что она поддерживала разговор только из вежливости. Но потом на ее лице появилась улыбка, и беседа пошла более оживленно. Габриэль решил, что не мешает послушать, о чем они говорят. Он подошел к бару, попросил пачку сигарет и быстрым привычным движением прикрепил «жучок» к нижней поверхности стойки, почти над коленями

парня. Взяв сигареты и расплатившись, он вернулся к своему столику, вставил наушник и приготовил портативный магнитофон во внутреннем кармане.

– Конечно, в какой-то мере вы правы, Джим, – услышал он голос девушки, говорившей с заметным польским акцентом, – жизнь здесь однообразная, сходьть особенно некуда. Но я рада, что есть хотя бы такая работа. В больших городах с этим сейчас совсем плохо.

– Знаете, Кристина, просто больно слышать эти слова от такой красивой девушки. Жаль, что я здесь проездом, а то бы стал ухаживать за вами. В Европе считают, доложу я вам, что самые красивые девушки в Польше, а самые надежные мужчины в Ирландии. Вот вы из Польши, а я, между прочим, ирландец. Но проездом. Ну, а парни стоящие здесь есть? У вас есть бой-фрэнд?

Габриэль усмехнулся – «ирландец, но проездом». Ну и логика. Интересно, куда он клонит?

– Бой-фрэнд есть. И очень хороший. Но он сейчас далеко. Как только найдет работу, я к нему уеду.

– Ну, мне кажется, ваш хороший бой-фрэнд очень рискует. Оставить такую девушку! Он не боится, что его кто-то опередит? Он что – местный парень, а уехал куда-то искать работу?

– Нет, он не местный. Он здесь работал недолго. А потом работа кончилась, и он уехал домой.

– Где же он здесь, в этом Богом забытом городке, работал?

– Не в городе. Отсюда на север еще двести километров. Там, где сейчас нефть ищут.

– Так он у вас нефтяник? Я тоже нефтяник. Почему же он уехал, когда сейчас здесь для нефтяников есть работа?

Разговор начал принимать какое-то новое направление, и Габриэль включил магнитофон.

– Нет, он не нефтяник. Он работал для одной фирмы. Есть такой инструмент – ручной электробур. Так вот он этим буром работал. Он по специальности электромеханик.

– Постойте-постойте, Кристина. Я что-то не понимаю. На какую же глубину он этим буром бурил?

– Ну, я не знаю точно. Он говорил, на два метра.

– А зачем?

– Этого я не знаю. Да и он не знал. Просто фирма его наняла и хорошо заплатила. А с самого низа они поднимали песок или глину и собирали в маленькие коробочки. Вот и все, что он говорил.

– Вот вы сказали, Кристина, что ваш друг работал там, где сейчас нефть ищут. Это ведь сейчас ищут. А тогда уже искали? Скважину уже бурили?

– Нет, это было еще до скважины.

Габриэль почувствовал, что голос рыжего внезапно изменился. До него, видимо, стал доходить смысл того, что говорила Кристина. Он перестал задавать вопросы, засуетился и начал быстро импровизировать, стараясь казаться убедительным и доброжелательным.

– Знаете, Кристина, я ведь работаю в очень большой фирме, доложу я вам. И мы как раз сейчас купили несколько электробуров, но у нас нет специалиста, который в них разбирается. И скажу вам прямо, Кристина, – зачем же вашему другу где-то далеко искать работу, когда он может работать в нашей фирме. Я просто хочу ему помочь. Клянусь Гиппократом. Как с ним связаться?

– Это было бы замечательно, Джим. Могу дать вам его телефон. Я запишу вот здесь, на листке. Вот номер, а вот имя.

– Имя не очень разборчиво. Как его зовут?

– Пьер. Пьер Леже.

– Он что, из Квебека?

– Да, он оттуда. И сейчас он там.

– Кристина, вам очень повезло. Вот видите, как в жизни бывает – случайная встреча, разговор о том, о сем. А в результате – работа для вашего Пьера. И вы с ним будете вместе. Такие дела, Кристина, доложу я вам.

– Я так вам благодарна, Джим. Так благодарна.

– Не стоит, Кристина, не стоит. Ну, у меня еще много дел. Рад был познакомиться. До свидания, Кристина. – Джим расплатился и торопливо вышел из ресторана.

Габриэль отключил магнитофон и быстро доел остывший обед. Потом подошел к бару, купил коробку спичек и снял «жучок». Он не стал подниматься к себе в комнату, а решил прогуляться. Выйдя из гостиницы, он вынул мобильный телефон и набрал код Алекса.

– Мистер Франк, где вы сейчас? В дороге? Приедете через два часа? Хорошо. У меня есть новости. Какие именно? Ну, если коротко, то наш джип-вермилион припаркован рядом с моим «лэндровером». А теперь у меня к вам вопрос – знакомо ли вам имя Пьер Леже?

– О черт! – вырвалось у Алекса. – Где ты его нашел? Он что, в городе?

– Нет, он в Квебеке. Значит, это тот парень, который с вами работал? Ну, не будем комкать разговор. Поговорим, когда приедете.

Меньше чем через два часа «лэндровер» Алекса подлетел на большой скорости к «Звезде Вермилиона». Красного джипа на паркинге уже не было. Алекс поднялся в комнату Габриэля. После короткого объяснения «глава службы безопасности» включил магнитофон. Алекс слушал молча, обхватив голову руками. Закончив прослушивание, он встал, прошелся по комнате и сказал:

– Хорошая работа, Габи. Спасибо. Да, это тот самый Пьер Леже, с которым я отбирал образцы. С ним нужно срочно связаться, но как раз номер телефона мы не знаем. Я думаю, они уже звонят ему. Не этот рыжий ирландец, а те, на кого он работает. У тебя есть какая-нибудь идея?

– Идея простая, мистер Франк. Надо поговорить с Кристиной. Она еще в баре. Скажите, что вам нужно срочно связаться с Пьером. Вы ведь знаете его. Она вам поверит. Я могу поговорить с ней по-польски. Знаете, здесь, на краю света, услышать родную речь – это сближает.

– Сколько времени прошло с того момента, как рыжий ушел из ресторана?

– Ровно два часа и десять минут, – ответил Габриэль, взглянув на часы.

– Уверен, что он уже позвонил боссу. А тот, наверное, успел связаться с Пьером. Но делать нечего. Идем в бар. Другого пути не вижу.

Ресторан был пуст. Кристина скучала за стойкой. Алекс и Габриэль подошли к бару. Девушка приветливо улыбнулась.

– Что желают джентльмены?

– Два джина с тоником, пожалуйста, – сказал Габриэль по-польски.

– Пан говорит по-польски? Пан из Польши? – Кристина не могла скрыть радостного удивления.

– Мои родители из Польши. А я родился в другом месте.

– А где сейчас ваши родители? – продолжала расспрашивать Кристина, приготавливая напиток.

– В Южной Африке.

– Так далеко. А мои родители живут в Галифаксе. Знаете, это Новая Шотландия, на Атлантическом побережье. А я вас запомнила – вы сегодня купили у меня сигареты и спички. Но как вы догадались, что я из Польши? – Кристина с подкупающей непосредственностью пересказывала с вопроса на вопрос.

– Во-первых, акцент. А во-вторых, такие красивые девушки есть только в Польше.

Кристина покраснела. Она действительно была очень привлекательна, с приятным лицом и хорошей фигурой.

– Меня зовут Кристина, а вас?

– Меня Габриэль. А сейчас, Кристина, мой коллега Алекс хотел бы поговорить с вами. Но только на английском, – с улыбкой закончил Габриэль свою часть беседы.

– Чем я могу помочь мистеру Алексу? – Кристине очень хотелось быть чем-нибудь полезной таким приятным посетителям.

– Я думаю, вы можете мне помочь. Дело в том, Кристина, что я знаю Пьера...

– Матка Боска! Вы знаете Пьера? – Кристина была взволнована этими сюрпризами, которые следовали один за другим, – разговор по-польски, а теперь вот Алекс, который знает Пьера.

– Пьера Леже я знаю очень хорошо. Могу даже сказать, что благодаря мне вы с ним познакомились. Это ведь я привез его в Вермиллион. И мы вместе работали в поле. Если бы не он, я бы не справился с электробуром.

– А, так вы, мистер Алекс, из той фирмы, на которую он работал? Вы не представляете, как я рада с вами познакомиться. Пьер рассказывал про вас много хорошего. Он говорил, что за неделю в поле узнаешь человека больше, чем за целый год в городе.

– Спасибо, Кристина. Я тоже рад познакомиться с вами. О Пьере я самого лучшего мнения. Он надежный работник и хороший человек.

– Да, он такой хороший, – глаза Кристины заблестели, казалось, еще немного, и она заплачет от волнения.

– Понимаете, Кристина, получилось так, что перед отъездом я не успел взять у него адрес и телефон. А сейчас мне нужно срочно с ним связаться. Это касается работы. У вас, конечно, есть его телефон?

– Да, конечно, мистер Алекс. И вы знаете, как раз сегодня один человек уже попросил его. Он сказал, что поможет Пьеру с работой.

– Очень может быть. Такие специалисты, как Пьер, нужны многим фирмам. А кто этот человек? Он сейчас здесь?

– Нет, уехал час назад. Он заходил попрощаться и сказал, что его босс уже знает о Пьере и очень им заинтересовался. Это какая-то большая нефтяная фирма.

– Ну что ж, надеюсь, у Пьера будет хорошая работа. Так вы мне дадите телефон?

– Да, конечно, мистер Алекс. Я его знаю наизусть, – Кристина продиктовала номер.

– Спасибо, Кристина.

– До свидания, Кристина. Мы желаем вам с Пьером большого счастья, – Габриэль сказал это по-польски, и Кристина благодарно улыбнулась.

– Спасибо, мистер Алекс, спасибо, мистер Габриэль. Да хранит вас святая Богородица, – девушка перекрестила их в воздухе.

Как только они переступили порог комнаты, Алекс набрал номер в Квебеке. Ответил женский голос: «Пьера нет дома. Он будет не скоро. А кто его спрашивает? Мистер Франк? Простите, но я вас не знаю. Я его мама. Куда он уехал? Он улетел в Калгари. Ему позвонили насчет работы и попросили срочно приехать. Что ему передать? Вы потом позвоните? Хорошо. До свидания».

6

Билл Дэвис сам встретил Пьера в аэропорту и отвез в гостиницу компании, занимавшую несколько квартир в многоэтажном доме.

– Располагайтесь, мистер Леже. Отдыхайте. Завтра утром за вами заедут, и мы встретимся в офисе компании. Могу я называть вас Пьер?

– Да, конечно, мистер Дэвис. Но мне все-таки не совсем понятно...

– Потом, потом, – остановил его Дэвис, – обо всем поговорим в офисе. А пока отдыхайте. До встречи.

Пьера не покидало ощущение, что произошла какая-то ошибка, что его принимают за кого-то другого. Когда ему позвонили и сказали, что его рекомендовали как опытного электромеханика и что фирма хотела бы пригласить его на интервью, он больше обрадовался, чем удивился. Но когда последовала просьба вылететь в Калгари ближайшим рейсом, к радости добавилось недоумение. Однако он рассудил, что в любом случае не должен отказываться от этого приглашения. На месте все выяснится, подумал Пьер, к тому же фирма оплачивает поездку, так что он ничего не теряет. А если все сложится удачно, то можно будет повидаться с Кристиной. Мысль о Кристине рассеяла последние сомнения.

Встретивший его Билл Дэвис, отрекомендовавшийся сотрудником компании, вел себя просто и дружелюбно. По пути из аэропорта в город он говорил только о погоде и о недавно закончившемся калгарийском родео. Пьер посчитал невежливым во время такой беседы задавать вопросы о работе.

В большом кабинете на тридцать втором этаже небоскреба кроме Дэвиса были еще два человека. Дэвис представил их Пьеру.

– Мистер Норман Флеминг, мистер Джек Тэйлор, – должности Дэвис не назвал. – Познакомьтесь, джентльмены, – это мистер Пьер Леже. Я полагаю, его знания и опыт будут полезны нашей компании.

Пьер не на шутку растерялся. Все трое были явно не рядовые работники. Да и в таких кабинетах ему не приходилось бывать. А последние слова Дэвиса звучали так, будто речь идет не о простом электромеханике, а о крупном инженерере.

– Я думаю, джентльмены, мы начнем с того, что мистер Леже расскажет нам о своем прошлом опыте – с каким электрооборудованием и силовыми агрегатами ему приходилось иметь дело. Прошу вас, Пьер, – Дэвис дружески и ободряюще улыбнулся.

– В общем-то, я электромеханик, – начал Пьер в сильном смущении, – по специальности работаю шесть лет. Знаком с электроподстанциями, электрооборудованием на транспорте, на буровых установках. Ну и знаю, конечно, многие малогабаритные агрегаты с электроприводом. Например, электробурсы разных систем. Вот, пожалуй, и все.

– Ну что ж, прекрасно, Пьер, – сказал Дэвис. – Как я вам уже говорил, наша компания нефтяная. Поэтому нас прежде всего интересует то, что связано с изучением геологических пластов, в том числе почвы. Вот вы упомянули буровые установки и электробурсы. Не могли бы вы уточнить, с какими именно агрегатами вы знакомы?

– Мне приходилось работать только на маломощных мобильных установках, смонтированных на траках. Они бурят на небольшую глубину, всего несколько сот метров. На тяжелых стационарных установках я не работал.

– Хорошо. А как насчет ручных электробуров, которые бурят на глубину нескольких метров?

– О, с этим инструментом я знаком хорошо. Знаю пять-шесть разных систем, но принцип действия у них одинаковый. Так что можно сказать, если знаешь одну систему, то знаешь их все. Полгода назад я работал этим инструментом для одной фирмы на севере Альберты.

– Фирма канадская или иностранная?

– Этого я не знаю, мистер Дэвис.

В разговор вступил Джек Тэйлор, самый молодой из троих.

– То, что вы сейчас сказали, Пьер, очень интересно. Дело в том, что при строительстве легких наземных сооружений, таких, например, как складские помещения или мастерские, нужно знать свойства верхнего слоя грунта. На севере грунт своеобразный. Там, как вы знаете, встречается заболоченная почва. Поэтому перед началом строительства грунт проверяется электробуром. Наша компания планирует в скором времени строительство в тех районах. Хотелось бы знать, где именно вы работали и какой там грунт. Ваш опыт очень важен для нас. Не могли бы вы показать этот район на карте?

Все трое вместе с Пьером подошли к большому столу, на котором уже была приготовлена детальная карта северной части провинции. Пьер увидел знакомые названия – река Стин, холмы Камерон, озера Маргарет, Зама и Бисчо. Все эти места он исколесил с мистером Франком полгода назад.

– Вы знаете, мистер Тэйлор, у меня ведь не было карты. Карта находилась у работника фирмы. Мне просто показывали точку, и я на ней работал.

– Понятно, Пьер. Но мы и не просим показать точки. Покажите только районы. Вот, например, вам знакомо озеро Маргарет и его окрестности? Вы там работали?

– Да, там было около пятидесяти точек.

– Прекрасно, Пьер. Вот мы и нашли общий язык. Ну, а озеро Зама и вот этот участок реки Стин?

– Да, и там тоже были точки.

– Сколько?

– Примерно сорок-пятьдесят.

– Замечательно. Теперь переходим вот в этот угол, где находятся озеро Бисчо и холмы Камерон. Что вы могли бы сказать об этом районе?

– На этих холмах мы сначала работали два дня на шестидесяти точках, а потом вернулись и сделали около сорока дополнительных.

– А почему вернулись?

– Не знаю. Мне сказали, что надо что-то уточнить.

– Вернулись сразу или через какое-то время?

– Через восемь дней.

– Теперь такой вопрос, Пьер. Чтобы определить свойства грунта, нужно отобрать образцы и отправить их на анализ в лабораторию. Вы это делали?

– Да, это и была главная цель бурения. С самого низа отбирали грунт – песок или глину – и насыпали его в пластиковые цилиндры от фотопленки.

– Спасибо, Пьер. Очень интересные вещи вы нам рассказали, – закончил Джек Тэйлор.

– Норман, вы хотите что-нибудь спросить? – обратился Дэвис к Флемингу.

– Да, я бы хотел узнать вот о чем. Состояние грунта зависит от времени года. Когда именно вы работали в этом районе, Пьер?

– Могу сказать точно – мы начали восемнадцатого февраля, а закончили двадцать восьмого.

– Спасибо, Пьер.

– Ну, с вопросами как будто все. Мы вам очень благодарны, Пьер. А сейчас подошло время ланча. К сожалению, мы не сможем составить вам компанию. Но что-то придумаем.

С этими словами Билл Дэвис вызвал молодого сотрудника.

– Знакомьтесь. Это Патрик Диксон, а это мистер Пьер Леже. Патрик, у меня к вам большая просьба – не могли бы вы составить компанию нашему гостю в каком-нибудь хорошем ресторане? Я, к сожалению, очень занят и не могу это сделать сам. Пьер, после ланча мы продолжим разговор. Желаю приятно провести время.

После ухода Пьера и Патрика Дэвис вызвал секретаря и распорядился приготовить чек на имя Пьера Леже. Он назвал сумму.

Когда Дэвис, Флеминг и Тэйлор остались одни, в кабинете наступило долгое молчание. Наконец, Дэвис прервал его.

– Норман, вы научный консультант компании. Я бы хотел услышать ваше мнение, – обратился он к профессору Флемингу.

– У меня еще нет определенного мнения, Билл. И я не хотел бы сейчас делать поспешные выводы. Но две вещи очевидны, и на них следует обратить внимание. Первое – отбор образцов или, как мы это называем, почвенная съемка была проведена на всех шести блоках, включая наш. И второе – съемка выполнялась почти за два месяца до тендера, когда, строго говоря, никто не имел права работать на этой территории.

– Спасибо, Норман. Мы будем иметь это в виду. Но вряд ли сейчас можно привлечь кого-то к ответственности за нарушение закона о земельной собственности. Что скажет начальник отдела разведки? – обратился Дэвис к Джеку Тэйлору.

– Джентльмены, я полагаю, что, сопоставив все факты, мы уже сейчас можем прийти к вполне определенным выводам. Итак, что мы знаем? Первое – некая неизвестная компания проводит детальную почвенную съемку всех шести блоков за два месяца до тендера. Второе – она выбирает для себя блок, который, по общему мнению, бесперспективен. Обратите внимание – именно на этом блоке они провели дополнительный отбор образцов через восемь дней после первого отбора. Не назавтра, а через восемь дней. Это значит, что первая партия образцов уже была проанализирована, и только тогда возникла необходимость что-то уточнить. А после уточнения они приняли окончательное решение в пользу приобретения блока. Как мы все хорошо знаем, так бывает только в процессе разведки. Поэтому я убежден, что с помощью почвенной съемки они уже вели разведку. На пяти других блоках они ничего не уточняли. Им все было ясно после первого отбора. И они не сделали заявку ни на один из них. Третье – сразу после тендера они начинают бурение на этом так называемом бесперспективном блоке и получают нефть. Никто не слышал, что до бурения они проводили сейсморазведку. У них для этого просто не было времени. Четвертое – сейчас они бурят две новые скважины по классической треугольной сетке, как будто им уже заранее известно, что там тоже есть нефть. Мы это хорошо видели с вертолета. Пятое – беспрецедентные меры секретности, когда простой рабочий мгновенно замолкает, как только его спрашивают о скважине. И, наконец, шестое – никто в нефтеразведочном бизнесе никогда не слышал о компании «Дабл Эй» из Гибралтара. Хотите знать мое мнение, джентльмены? Мы имеем дело с методом прямого обнаружения нефти (Тэйлор сделал ударение на этих словах), разработанным в условиях секретности одной из хорошо известных международных корпораций, которая предпочитает укрываться под вымышленным названием, чтобы сбить с толку конкурентов. И если я прав, то на пяти других блоках, включая наш, нефти нет.

Снова наступило молчание. И снова Билл Дэвис, на правах старшего по должности, прервал его.

– Логично, черт побери! Хотя и звучит как приговор всем нам. Я имею в виду не только «Игл Корпорэйшн», но и сотни других компаний. И в первую очередь эти многочисленные сейсморазведочные сервисные фирмы. Но, может быть, не все так мрачно, Джек? Я не узнаю вас. Не замечал, чтобы раньше вы были таким пессимистом. Я сейчас как-то незаметно поддался этому вашему умению навязывать свою точку зрения. А нет ли во всем этом элемента случайности? Вспомним почти невероятную историю, когда в начале века на одном из разведочных участков скважина, за неимением лучших ориентиров, была пробурена в той точке, где опустилась на землю кружившая невдалеке ворона. И открыли крупное месторождение. Но после этого ни одна ворона не указала, где нужно бурить.

– Я бы хотел напомнить Джеку, – продолжил профессор Флеминг в манере университетского лектора, – что с тех пор, как в тридцатых годах русский геолог Василий Соколов впервые выдвинул идею прямых поисков нефти по газовым аномалиям в почве, были проверены и другие возможные индикаторы. Но все они, включая метод Соколова, оказались бесполезными, хотя каждая новая идея сопровождалась сенсационной шумихой и большими ожиданиями. Вспомним такие индикаторы в почве и в приповерхностном слое воздуха, как битумные, радиоактивные и магнитные аномалии и даже особый химический состав хвои и листьев деревьев, растущих над месторождениями. Выяснилось, что ни один из этих признаков индикатором нефти не является. Поэтому сегодня сама идея прямого обнаружения залежей отвергнута столь же безоговорочно, как идея вечного двигателя, заявки на изобретение которого уже давно не принимаются патентными бюро всего мира. В области прямого обнаружения дело обстоит точно так же – все, что можно, уже испробовано, и никаких прорывов здесь ждать не приходится.

– Джентльмены, вы подменяете объяснение конкретных и впечатляющих фактов, с которыми мы имеем дело, теоретическими рассуждениями и экскурсами в прошлое, – твердо возразил Тэйлор. – Я бы не стал столь категорически утверждать, что отвергнута сама идея. Идея осталась. Просто ее пока не удалось реализовать. Но наука не стоит на месте. Там, где одни потерпели неудачу, другие могут добиться успеха. Кроме того, нельзя утверждать, что в области прямого обнаружения совсем не было успехов. Они были, но носили частный характер и не приводили к кардинальному решению задачи. Проблема в том, что удачи приходят и уходят, а неудачи накапливаются. Это дискредитирует идею и препятствует ее разработке. *Non progredi est regredi*². Кстати, Норман забыл упомянуть еще один «индикатор», который используется в Израиле, – поиски нефти по «закодированным указаниям» Библии. Затея весьма одиозная, разумеется. Ничего, кроме смеха, вызвать не может. Тем не менее нашлись и у нее сторонники. Впрочем, у каждой нации свои галлюцинации. А что касается методов, основанных на природных физических и химических аномалиях, то в прошлом они действительно оказались безрезультатными. Это правда. Но утверждения, заключающие в себе некоторую долю правды, самые опасные. При поисках нефти, как и в любой творческой работе, вопросительный знак важнее восклицательного, которым обычно завершается категорическое утверждение. Вопросы и сомнения ведут к успеху. Чрезмерная уверенность нередко заканчивается конфузом. Прошу извинить меня, Норман, но ваши аргументы напоминают печально известное прошение об отставке, поданное директором патентного бюро США в семидесятых годах девятнадцатого века, в котором этот честный малый мотивировал свое решение тем, что все основные открытия и изобретения уже сделаны и поэтому ему нет смысла оставаться на своем посту. Я абсолютно убежден, что в данном случае мы имеем дело с подлинным прорывом в нефтяной разведке, с настоящим прямым обнаружением. И раньше или позже все мы будем положены на лопатки. Возможно, у нас остается не так уж много времени. Поэтому я считаю, что все это необходимо незамедлительно обсудить на Совете директоров в Чикаго. Ситуация очень серьезная. И проблема не только техническая, но и стратегическая. Наше преимущество в том, что мы узнали об этом раньше других компаний. И мы должны воспользоваться этим. Я еще не знаю, как, но должны. Предусмотреть проблему – значит уже наполовину решить ее. А что касается моего пессимизма, как вы, Билл, это назвали, то позволю заметить – оптимисты изобрели самолет, а пессимисты – парашют. И когда у нашего самолета заглохнут двигатели, нам придется вспомнить об этом изобретении пессимистов.

² Не идти вперед – значит идти назад – лат.

После решительного и эмоционального выступления Тэйлора снова на несколько минут воцарилось молчание.

– Хорошо, – сказал наконец Дэвис, – я проинформирую президента и предложу вынести этот вопрос на Совет директоров в Чикаго. Не возражаете, Норман?

– Как я могу возражать? Я всего лишь консервативный профессор, не верящий в прогресс науки, – Флеминг не мог скрыть обиды.

– Думаю, сегодня мы можем на этом закончить. Благодарю вас, джентльмены, – завершил дискуссию Дэвис.

После ухода Тэйлора и Флеминга секретарь принесла конверт с чеком и сообщила, что мистер Леже ожидает в приемной.

– Пригласите, – сказал Дэвис.

Он снова встретил Пьера дружеской улыбкой.

– Ну, как был ланч, Пьер? Вам понравилось?

– О да, мистер Дэвис. Все было очень хорошо. Спасибо.

– Очень рад. Теперь к делу. Мы здесь обсудили то, что вы нам рассказали. И пришли к выводу, что ваш опыт будет несомненно полезен компании, когда мы приступим к строительству, о котором говорил мистер Тэйлор. Но было бы неразумно задерживать вас в Калгари сейчас, до начала работ, и обрекать на вынужденное безделье. Мы понимаем, что этим неожиданным приглашением нарушили ваши планы и доставили определенные неудобства. Поэтому располагайте своим временем, а мы свяжемся с вами, как только определятся сроки строительства. И небольшая личная просьба, Пьер, – я бы не хотел, чтобы то, о чем здесь говорилось, вышло за пределы этого кабинета. Дело в том, что планы компании, включая строительство, – вещь сугубо конфиденциальная. Надеюсь, вы понимаете. – Сказав это, Дэвис протянул Пьеру фирменный конверт компании. – Здесь чек, покрывающий расходы на проезд, и гонорар за то, что вы любезно проконсультировали нас в своей профессиональной области. Полагаю, вы найдете сумму удовлетворительной. Очень рад был познакомиться с вами, Пьер. И примите благодарность от моих коллег.

– Спасибо, мистер Дэвис. Я, право, не очень понимаю...

– Естественно, естественно... Иногда требуется время, чтобы все осмыслить.

С этими словами Дэвис мягко взял Пьера под локоть, и они направились к двери. Около лифта они попрощались, обменявшись крепким рукопожатием. В лифте Пьер открыл конверт, наполовину вытянул из него чек и прочитал: «Уплатить Пьеру Леже пять тысяч долларов». Увидев столь внушительную сумму, он лишь пожал плечами, как бы признавая, что не стоит и пытаться что-либо понять. Пьер вышел на Восьмую авеню, отыскал местное отделение своего банка, вложил чек и снял тысячу долларов наличными. После этого он отправился в гостиницу и забрал вещи.

7

Кристина, стоя спиной к залу, расставляла бутылки на полках бара. Закончив это занятие, она повернулась к стойке.

– Матка Боска! Джизус Крайст! Пьер, ты! – Кристина готова была перепрыгнуть через стойку.

Они обнялись и расцеловались. Потом, перебивая друг друга, стали рассказывать о событиях последних дней. Уехав из Калгари, Пьер решил, что странные и загадочные сюрпризы остались теперь позади. И предвкушал другой сюрприз, который готовил Кристине своим неожиданным появлением. Поэтому то, что он узнал от нее в первые же минуты, снова вернуло его к недавним событиям. Он был и вовсе озадачен, когда Кристина сказала, что мистер Алекс сейчас в Вермиллионе и что он хотел с ним связаться. Услышав об этом, Пьер вышел в лобби

и спросил у Фрэда – у себя ли мистер Франк? Алекса в номере не было. Фрэд сказал, что обычно он возвращается поздно, но его сотрудник мистер Каминский иногда приезжает раньше. Было семь часов вечера. Пьер порядком проголодался, и Кристина заказала ему обед. Пока он ел, она сидела рядом, и они продолжали говорить, перескакивая с одной темы на другую. В это время в ресторан вошел Габриэль и направился к своему постоянному столику.

– Это мистер Габриэль, – тихо сказала Кристина, – он коллега мистера Алекса, и он говорит по-польски. Хочешь, чтобы я ему сказала о тебе?

– Пожалуй, лучше я сам к нему подойду.

Пьер встал и подошел к столику Габриэля.

– Простите, сэр. Кристина сказала, что вы коллега мистера Франка. Меня зовут Пьер Леже.

Лишь профессиональная выдержка позволила Габриэлю сохранить спокойствие, когда он услышал это имя. Только вчера оно впервые прозвучало в его наушниках. И тогда этот человек находился за три тысячи километров отсюда. Босс безуспешно разыскивал его. И вот он здесь, стоит перед ним и смущенно улыбается. Габриэль встал и протянул Пьеру руку.

– Очень рад, мистер Леже. Меня зовут Габриэль Каминский. Присаживайтесь, пожалуйста. Ваш приезд весьма кстати. Мистер Франк хотел поговорить с вами.

– Да, я знаю. Кристина мне рассказала. А когда мистер Франк будет здесь?

– Это мы сейчас узнаем.

Габриэль вынул из кармана мобильный телефон и набрал код.

– Мистер Франк, где вы сейчас? Выезжаете со второго номера? Очень хорошо. У меня для вас приятный сюрприз. Со мной рядом сидит Пьер Леже. Нет, я не шучу. Хотите поговорить с ним? Передаю телефон.

– Здравствуйте, мистер Франк. Рад слышать вас, – Пьер не скрывал волнения.

– Через два с половиной часа? Хорошо. Я жду вас. До встречи.

Он передал телефон Габриэлю.

– Понял, мистер Франк. Хорошо, я спрошу.

Габриэль обратился к Пьеру.

– Скажите, мистер Леже, вы здесь один? Я имею в виду – с вами никто не приехал?

– Нет, я приехал один.

– А кто-нибудь знает, что вы поехали сюда?

– Нет, я никому не говорил. Уехал, и все. Никто не знает куда. Да меня об этом и не спрашивали.

– Очень хорошо. Ну, не буду вас задерживать. Вы, конечно, хотите побыть с Кристиной. Славная девушка, – улыбнулся Габриэль.

Он вышел из гостиницы, проверил паркинг и окрестные улицы. Все было в порядке, ничего подозрительного.

Алекс и Пьер встретились как старые друзья.

– Рад видеть тебя снова, Пьер. Мне кажется, ты приехал не только повидаться с Кристиной. Есть еще какая-то причина? Или я ошибаюсь?

– Я тоже рад видеть вас, мистер Франк. Не знаю, что и сказать. Сюда-то я приехал только ради Кристины. Другой причины нет. Но вот из Квебека я поехал не сюда, а в Калгари. Ну, а от Калгари до Вермиллиона всего-то девятьсот километров. Так что не заехать просто не мог.

– Что же привело тебя в Калгари, если не секрет? Кристина говорила, что тебе хотели предложить работу.

– Не думаю, что это секрет. Хотя меня и просили особенно не рассказывать. А в общем, какая-то странная история. Пожалуй, стоит ее вам рассказать. Может быть, вы мне объясните, что все это значит.

И Пьер рассказал о том, что произошло. Алекс внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов, и ему все стало ясно. Собственно говоря, это не было для него неожиданностью. Он был готов к такому развитию событий, как только узнал, что Пьер срочно вылетел в Калгари. Но теперь ситуация стала совсем прозрачной.

– Как называется компания? – спросил он.

Вопрос застал Пьера врасплох.

– Не знаю, мистер Франк. Они мне не сказали, а посмотреть вывеску на здании я как-то не сообразил. Действительно, глупо. Провел у них целый день, а названия не знаю.

– Ты говоришь, что они дали тебе чек. На нем должно быть написано.

– Чек я вложил в банк. Пойдите, пойдите, он был в конверте. Может быть, на нем написано, – Пьер порылся в бумажнике, нашел сложенный вдвое конверт и протянул его Алексу, – вот, посмотрите.

– «Игл Корпорэйшн», – прочитал Алекс. – Ну что ж, очень крупная компания. А означает все это вот что, Пьер. Они наши конкуренты. Каким-то образом они узнали, что ты работал с нашей фирмой, и захотели выудить кое-какую информацию. Ну а чтобы это выглядело благопристойно, придумали трюк с работой. Надеюсь, ты понимаешь, что больше они о тебе не вспомнят. Ты тоже можешь забыть о них.

– Я что-то сделал не так, мистер Франк? Это может навредить вашей фирме? – Пьер был искренне обеспокоен.

– Ну, как тебе сказать? Лучше бы ты с ними не встречался. Я пытался тебя предупредить, но опоздал. Твоя матушка сказала, что ты уже улетел в Калгари. Не переживай. Что произошло, то произошло. Твоей вины в этом нет. Скорее здесь моя оплошность. А теперь у меня еще один вопрос – знаешь ли ты имена тех троих, кто с тобой беседовал?

– Да, мистер Франк. Главным был Билл Дэвис. А двое других – Джек Тэйлор и Норман Флеминг.

– Спасибо, Пьер, – Алекс записал имена. – Ну, еще раз повторяю – не переживай, все будет в порядке. И не оставляй надолго Кристину. Она очень хорошая девушка и любит тебя, – в голосе Алекса прозвучали почти отеческие нотки.

8

Алекс дождался полуночи, когда в Израиле наступило утро, позвонил Шмуэлю и рассказал о последних событиях. Тот был очень обеспокоен. По своему обыкновению, прежде чем дать собственную оценку ситуации, он спросил мнение собеседника.

– Что будем делать, профессор? У тебя есть идеи?

– Да, я все обдумал. Решение может быть только одно – максимально форсировать разведку Камерона. Работа и так идет в хорошем темпе. Но теперь этого недостаточно. Нужны четыре станка одновременно. Мы должны закончить все дела за полтора месяца и лечь на дно в Гибралтарском проливе. Иначе нам прищепят хвост.

– Что для этого нужно?

– Только деньги. Мы не уложимся в бюджет. Нужны еще около двух миллионов в ближайшие дни.

– Считай, что ты их имеешь, профессор. Действуй.

Через день Алекс в сопровождении Габриэля отправился в Калгари и подписал новый контракт с «Дриллинг Энтерпрайз». Одновременное разбуривание месторождения четырьмя станками сделало работы намного дороже, но эта сторона дела его теперь не беспокоила. Компания обязалась начать доставку оборудова-

ния со своих полевых баз немедленно и уже через неделю приступить к бурению двух дополнительных скважин.

Вечером, ужиная с Габриэлем в ресторане и просматривая «Калгари Геральд», Алекс увидел объявление о международной конференции по вопросам конъюнктуры нефтяного рынка, которая начиналась на следующий день в гостинице «Холидэй Инн». Там же был указан телефон для регистрации участников. Он позвонил и попросил внести его в список.

Конференция открывалась в десять, но люди начали собираться, как обычно, на час раньше, чтобы встретить знакомых и поболтать. Билл Дэвис подошел к столу регистрации, получил пластиковую нагрудную карточку со своим именем и названием компании и взял лист участников, чтобы расписаться. Компании были указаны в алфавитном порядке. Он нашел в списке «Игл Корпорэйшн», а строкой выше значилась «Дабл Эй»³. В графе «Представитель» стояло имя Алекс Франк. «Опять эта “Дабл”, – подумал Дэвис, – мы как будто скованы одной цепью – блоки рядом и в списке рядом». Отойдя от стола, он начал бродить по фойе, всматриваясь в нагрудные карточки. Дэвис никогда раньше не встречался с кем-либо из этой таинственной компании, которая занимала сейчас все его мысли. Ему было просто любопытно взглянуть на этого Алекса Франка. Наконец, он нашел его. Это был худощавый седоволосый человек среднего роста, южно-европейской внешности, лет около пятидесяти. Франк разговаривал по мобильному телефону. Дэвис подошел ближе, но не мог разобрать короткие отрывистые фразы. Язык был явно не английский. Однако в конце разговора он отчетливо услышал «арри-ведерчи».

«Итальянец, чертов итальянец, – подумал Дэвис. – Так вот кто играет с нами в кошки-мышки». В этот момент его кто-то окликнул.

– Хэлло, Билл! Как поживаешь?

Он обернулся и увидел своего давнего приятеля Ларри Эванса, вице-президента английской компании «Альбион Энерджи».

– Хай, Ларри! Рад тебя видеть, – приветствовал его Дэвис.

Отойдя с Эвансом в сторону и поддерживая соответствующую обстановку легкую беседу, Дэвис на время забыл о «Дабл Эй». Габриэль, наблюдавший с небольшого расстояния за всем происходившим вокруг Алекса, подошел к нему и сообщил, что некто по имени Билл Дэвис из «Игл Корпорэйшн» только что крутился около него, вслушиваясь в телефонный разговор.

– Где он? – спросил Алекс.

– Вон тот, в светлом костюме, беседует с кем-то.

– О'кей, Габи. Я думаю, стоит узнать, о чем они говорят. Запиши их.

Габриэль, который не был зарегистрирован и не имел нагрудной карточки, незаметно пристроился рядом с собеседниками, делая вид, что внимательно изучает программу конференции. В лацкан его пиджака был вставлен высокочувствительный микрофон в виде круглого значка члена Ассоциации нефтяных инженеров. Какое-то время разговор шел о пустяках, Дэвис и Эванс вспоминали общих знакомых. Но затем Дэвис переменял тему.

– Слушай, Ларри, у меня к тебе серьезный вопрос. (Габриэль опустил руку в карман и нажал кнопку магнитофона.) Слышал ли ты там у вас в Европе что-нибудь о компании «Дабл Эй»?

– «Дабл Эй»? Нет, не приходилось. Это что, филиал Си-Ай-Эй?⁴ – Эванс рассмехался.

– Я бы предпочел, чтобы это был филиал. Но дело серьезнее. Они в нашем бизнесе, работают в Альберте. А порт приписки у них Гибралтар.

³ В английском алфавите Дабл (Double) и Игл (Eagle) расположены рядом.

⁴ ЦРУ

– Какого черта! В Гибралтаре нет нефтяных компаний. Уж я-то знаю. Там много всяких темных финансовых групп, но серьезных компаний, а особенно нефтяных, там точно нет.

– В том-то и дело, Ларри. Гибралтар – это крыша. У меня сильное подозрение, что под этим названием действует какая-то крупная итальянская компания. В общем, запомни – «Дабл Эй». Если что-то узнаешь – буду очень обязан.

– О'кей, Билл, буду иметь в виду. А чем они тебя так зацепили?

– В общем-то ничего особенного. Просто какие-то аутсайдеры, ведут себя вызывающе, работают не по правилам.

– Понятно, – согласился Эванс, – так бывает.

Габриэль перемотал кассету и подошел к Алексу.

– Хотите послушать сейчас, мистер Франк, или потом?

– Что-нибудь интересное?

– Думаю, что да.

Они отошли к дальнему столику и сели в кресла. Габриэль положил на стол магнитофон и прикрыл его программой конференции. Алекс вставил наушник.

– Интересно, – сказал он, прослушав запись, – этот мистер Дэвис чем-то другим, кроме нас, занимается? А кто такой Ларри?

– Ларри Эванс из «Альбион Энерджи», – ответил Габриэль.

Алекс достал записную книжку и внес в нее новое имя.

– Любопытно, откуда эта версия насчет итальянцев? – удивился Габриэль.

– Трудно сказать, – ответил Алекс, – может быть, здесь что-то личное. Но это его проблема.

– Нам это может пригодиться, мистер Франк. Во всяком случае, о такой версии забывать не стоит.

– Ну что ж, у тебя на это карт-бланш, Габи. А сейчас мне что-то расхотелось слушать эти скучные доклады. Не двинуться ли нам в обратный путь к нашему Камерону.

9

Заседание Совета директоров в чикагской штаб-квартире «Игл Корпорэйшн» продолжалось уже целый час. Сначала многие члены Совета не очень понимали, о чем идет речь. Лишь некоторые из них обладали достаточными техническими знаниями, чтобы представлять себе весь процесс разведки, начиная от выхода на совершенно не изученную девственную территорию до выделения на ней наиболее перспективных локальных участков, бурения первой поисковой скважины, ее испытания и всех последующих операций, вплоть до определения границ месторождения и запасов нефти. В советы директоров промышленных корпораций входят не только специалисты, но и банкиры, экономисты, юристы, бывшие высокопоставленные правительственные чиновники и отставные генералы. Технологическими вопросами они не занимаются. Их интересы лежат в области стратегии бизнеса. Поэтому Биллу Дэвису и Джеку Тэйлору, приглашенным на Совет в качестве докладчиков, потребовалось приложить усилия и ответить на многочисленные вопросы, прежде чем все его члены осознали, что речь идет не об узких технических вопросах, а о стратегии. Стратегии выживания корпорации. Как только они это поняли, уровень и направление дискуссии быстро изменились.

Один из директоров, юрист по образованию, спросил Тэйлора – нельзя ли легальным путем получить патентное описание метода и технологии, которые применяет «Дабл Эй»? Тэйлор ответил, что он более чем уверен в отсутствии патента. Авторы должны быть наивными людьми, чтобы полагаться на патентную защиту метода и видеть в ней гарантию своих эксклюзивных прав. Речь идет не о товарном издании, которое при незаконном изготовлении конкурентом можно

легко обнаружить на рынке и начать судебное преследование. Мы имеем дело с методом, который, в случае его раскрытия, может использоваться любой нефтяной компанией как угодно долго без того, чтобы об этом стало известно. А патентное описание технологии, несмотря на то, что в нем намеренно опускаются наиболее важные детали ноу-хау, все же дает возможность специалистам понять главный принцип. «Поэтому я убежден, – заключил Тэйлор, – что люди из «Дабл Эй» избрали другой способ защиты. Они просто засекретили все, что связано с методом. Даже название компании вымышленное. Скорее всего за ним скрывается какая-то известная корпорация, обладающая достаточными финансовыми и техническими средствами для осуществления прорыва там, где все остальные потерпели неудачу».

– Вы говорите, что даже название компании вымышленное. Ну, а хотя бы ее национальная принадлежность известна? – спросил юрист.

– Мы лишь знаем, что «Дабл Эй» зарегистрирована в Гибралтаре, – ответил Дэвис, – но это, конечно, не говорит о ее национальной принадлежности. Скорее, это часть общего плана конспирации. По некоторым признакам можно заключить, что компания итальянская. Но полной уверенности в этом нет. Мы не знаем, где находятся ее главный офис и лабораторная база, каковы источники финансирования.

В это время зазвонил мобильный телефон Дэвиса. Он извинился, отошел в дальний угол зала, о чем-то быстро переговорил и вернулся.

– Джентльмены, только что мне сообщили, что «Дабл Эй» начала бурение еще двух скважин на блоке Камерон. Таким образом, у них одновременно работают четыре буровые установки. Для разведочного этапа это беспрецедентно, если учесть, что они не проводили предварительные сейсмические исследования, которые необходимы для выбора точек бурения.

– Не могли бы вы более подробно прокомментировать эту новость? – спросил другой член Совета, президент одного из крупных банков.

– Из этого сообщения можно сделать два вывода. Во-первых, они полностью уверены в том, что все четыре скважины дадут нефть. Иными словами, они игнорируют так называемый принцип зависимых скважин, когда каждая последующая бурится в зависимости от результатов предыдущей. Тем не менее, речь, видимо, идет не о неоправданном риске, а о каких-то других критериях оценки нефтеносности, которые нам неизвестны. И, во-вторых, по каким-то причинам они намерены закончить разведку как можно скорее. Учитывая размеры блока Камерон, для его разведки требуются минимум пять скважин, образующих в совокупности четыре смежных треугольника. Это именно то, что они делают. Работа ведется очень профессионально и грамотно, – закончил Дэвис.

Дискуссия приобретала все более конкретный характер. Почти все присутствующие так или иначе выразили свое отношение к проблеме. И только один человек еще не проронил ни слова. Это был вице-председатель Совета директоров Джон Андерсон. Впрочем, такое молчание было в его стиле. Во время заседаний Совета он обычно следовал принципу Джона Рокфеллера, родоначальника династии миллиардеров, стоявшего у истоков американского нефтяного бизнеса. Старик Рокфеллер не начинал говорить, пока не выслушивал всех остальных. Он считал, что руководитель должен вести себя подобно сове из его любимого стихотворения:

Жила на дубе мудрая сова,
Изрядно повывав, скупая на слова,
Лишь молча слушала и много узнавала –
Ей подражать и нам бы не мешало.

(Перевод автора)

После декламации этого четверостишия Джон Рокфеллер обычно добавлял: «Человек учится говорить очень рано, молчать – очень поздно».

Джон Андерсон был введен в Совет директоров около года назад, после завершения военной карьеры. Последние десять лет он занимал одну из ключевых должностей в управлении стратегической разведки и завязал тесные связи в сфере большого бизнеса. Несколько крупных промышленных компаний предложили ему руководящие посты, но он выбрал «Игл Корпорэйшн», так как за время работы в разведке оценил уникальный характер нефтяного бизнеса, в котором тесно переплетаются национальные и глобальные стратегические интересы. Он был буквально одержим нефтью, о которой знал почти все. Андерсон любил приводить слова Гарольда Айкса, госсекретаря по внутренним делам в правительстве Рузвельта, сказанные им в конце Второй мировой войны: «Скажите мне, как будут распределены нефтяные ресурсы, и я скажу вам, как долго продлится мир». Джона Андерсона отличало от других членов Совета умение быстро схватывать суть любой проблемы, будь то техническая, финансовая или юридическая. И вот теперь, слушая вопросы и комментарии коллег, он ясно видел, что никто из них не может выйти за рамки своей основной профессии, подняться над ней и оценить ситуацию в целом. Андерсон решил, что настало время вступить в разговор.

– Джентльмены, – обратился он к Совету директоров, – я полагаю, что всю эту историю с «Дабл Эй» следует рассматривать не с точки зрения конкурентной борьбы, нормы прибылей, юридических коллизий или совершенствования технических средств. Эти стандартные подходы неприменимы к возникшей ситуации, ибо сама ситуация нестандартная. Речь идет о выживании нашей корпорации в условиях, когда мы оказались отброшенными на технологические задворки. Наши суперсовременные сейсмические станции, компьютерные системы обработки информации, наши оснащенные по последнему слову науки исследовательские лаборатории оказываются в этих условиях ненужным балластом, так как появился метод, позволяющий обнаруживать нефть без них. Нас можно уподобить стрелку из лука в век снайперских винтовок с лазерным прицелом. В этой ситуации есть только два способа выжить – или метод «Дабл Эй» будет работать на нас, или мы должны сделать так, чтобы ни метод, ни «Дабл Эй» не существовали. Позвольте мне высказать свою мысль предельно четко – ни то, ни другое не произойдет само по себе. Речь идет о проведении операции, сходной с военной, в которой должны участвовать группы разведки, подавления и захвата. Разумеется, я не имею в виду воинские подразделения. Работа должна быть выполнена нашими современными специалистами из соответствующих частных агентств. Полагаю, что смогу использовать также собственные связи. Говоря о сходстве с военной операцией, я подразумеваю лишь методы планирования, исполнения и контроля. Все это будет стоить больших денег. Очень больших. Но если мы будем бездействовать, то потеряем намного больше. А в конечном итоге потеряем все. Мы не можем позволить себе бесконечно обсуждать эту проблему на своих заседаниях. Группа координации оперативной работы должна быть создана уже сегодня. Хочу высказать еще одно соображение. Проблема «Дабл Эй» затрагивает интересы всех без исключения нефтяных компаний. Однако привлечение к операции хотя бы одной из них означает заведомый провал. Поэтому мы будем действовать одни. И соответственно, в случае успеха, мы будем единственными, кто выиграет. Неудача станет общей. И последнее. Я хотел бы задать вопрос мистеру Дэвису. Надеюсь, Билл, «Дабл Эй» не подозревает, что является объектом вашего пристального внимания? Я имею в виду встречу с этим парнем из Квебека и другие шаги, которые я оцениваю как вполне профессиональные.

– Безусловно, сэр. Они ничего не знают, – уверенно ответил Дэвис.

– Это очень важно, Билл. Важно, чтобы они и впредь ничего не знали. В этом залог успеха, – генерал в отставке Джон Андерсон, бывший начальник отдела специальных операций, снова чувствовал себя в привычной стихии.

10

День выдался долгий. Алекс и Габриэль на двух машинах объехали все скважины, обсудили технические и организационные вопросы, убедились, что бурение идет нормально. Они всегда ездили одновременно на обоих «лэндроверах». В Вермиллион вернулись поздно вечером. На паркинге гостиницы, где обычно стояли три-четыре примелькавшиеся машины, они увидели незнакомый «форд транзит» с надписью на бортах: «Биологические исследования. Университет Альберты».

- У вас гости, Фрэд? – спросил Габриэль дежурного клерка.
- Биологи, сэ. Приехали днем, часа в два.

Алекс и Габриэль поднялись в свои комнаты. Они порядком устали, мечтали поскорее принять душ и лечь спать. Но уже через двадцать минут Габриэль тихо постучался к Алексу. Войдя, он приложил палец к губам и показал записку: «У меня были визитеры. Нашел три “жучка”. Нужно проверить вашу комнату». Обследовав ее портативным детектором, он обнаружил микрофоны в настольной лампе, телефонном аппарате и под столом. Габриэль указал на них Алексу, но снимать не стал. Затем взял лист бумаги и написал: «Это – “биологи”. Мы с вами сейчас должны немного поговорить и упомянуть какую-нибудь итальянскую компанию. Затем прощаемся. “Спокойной ночи” по-итальянски “буона ноттэ”. Начинайте». Алекс кивнул.

– О’кей, Габриэль. Сейчас в Милане семь утра. В офисе еще никого нет. Свяжемся с ними завтра. Вы подготовили отчет по бурению для руководства «Петролеум Италияно»?

- Да, все готово. Завтра можно отправлять.
- Хорошо, Габриэль. Буона ноттэ.
- Буона ноттэ, синьор Франкони.

Габриэль ушел, хлопнув дверью. Рано утром они спустились в ресторан и заняли свой постоянный столик. Вскоре появились трое незнакомых посетителей – двое мужчин и интересная молодая женщина. Они сели за соседний столик и стали обсуждать меню. Женщина довольно откровенно посматривала на Габриэля. Поймав его взгляд, она улыбнулась, обнажив красивые ровные зубы. Габриэль ответил вежливой сдержанной улыбкой. Алекс молча наблюдал. Затем написал на бумажной салфетке: «Биологи?» Габриэль кивнул, вытер салфеткой губы и сунул ее в карман.

Позавтракав, они вышли к машинам и обсудили ситуацию. Было решено оторваться от «биологов» и переехать в городок Стин Ривер, в ста пятидесяти километрах к северу от Вермиллиона. Он расположен почти рядом с блоком Камерон, но через него проходит оживленный хайвей Маккензи. Именно поэтому Алекс в свое время отказался от соблазна устроить там свою базу. Преимущество Вермиллиона в том, что он лежит в стороне от этой магистрали. Но сейчас, когда в нем появились такие любопытные соседи, переезд в Стин Ривер стал единственным выходом из положения. Произошло то, о чем Алекс говорил во время последней встречи у Шмуэля – скаутов сменили профессионалы, у которых совсем другая хватка. Расплатившись за гостиницу, они погрузили в машины свой небольшой багаж и отправились на север.

Билл Дэвис уже не первый раз читал короткое сообщение группы разведки, как ее называл Джон Андерсон и которая была нанята в частном агентстве «Независимые детективы»: «Прослушиванием установлено, что “Дабл Эй” является подразделением компании “Петролеум Италияно”, главный офис в Милане. Сегодня утром Алекс Франкони (настоящая фамилия) и его помощник покинули Вермиллион и отбыли в неизвестном направлении. Жду указаний. Фрэйзер». Дэвис снял трубку и набрал телефон Джека Тэйлора: «Зайдите, Джек».

– Вот, Джек, полюбуйтесь, – сказал он, передавая ему текст, – этот мистер Франк лишь мелкая рыбешка. Рядовой исполнитель. К тому же он не Франк, а Франкони. Конспиратор хренов. Мозговой центр у них в Милане. Там же, вероятно, и лабораторная база.

– Все правильно, Билл. Абсолютно правильно. Я с самого начала считал, что это дело рук какой-то крупной корпорации, у которой есть технические и финансовые возможности для такого прорыва. «Петролеум Италияно» эта задача вполне по силам.

– Должен сказать, Джек, что получаешь интеллектуальное удовлетворение, когда оказываешься прав в такой неопределенной ситуации. Ведь мы с вами буквально по крупицам собирали информацию и пришли к двум правильным выводам. Во-первых, что это крупная компания, а во-вторых, что это итальянцы. Пока у нас с ними идет состязание умов. И мы его выигрываем. Надеюсь, выиграем и все остальное. А сейчас надо сообщить об этом нашему генералу.

Дэвис попросил секретаря соединить его с Джоном Андерсоном в Чикаго.

– Хэлло, мистер Андерсон. Только что получено сообщение группы разведки, – Дэвис прочитал текст. – Хотелось бы знать ваше мнение. Я имею в виду указания Фрэйзеру и вообще дальнейшие действия.

Несколько минут Дэвис слушал молча.

– Хорошо, мистер Андерсон, – сказал он наконец, – я вас понял. Мы отзовем его.

Дэвис повернулся к Тэйлору.

– Генерал считает, что операцию в Вермиллионе можно сворачивать. Там мы больше ничего не узнаем. Надо будет лишь проследить за результатами бурения, но это сделают скауты. Он планирует перенести все действия в Милан, поближе к «Петролеум Италияно». И намерен заняться этим лично, используя свои итальянские связи. О'кей, отзываем Фрэйзера. Я даже рад, что отныне это забота больших шишек в Чикаго, а не наша. Мы свое дело сделали.

11

Доктор геофизики Роберто Массини, элегантный мужчина лет сорока пяти на вид, с живым выразительным лицом, похожий на Марчелло Мастрояни, был поглощен грустными размышлениями. Рабочий стол в его кабинете на виа Сан Дона-то, где находится главный офис компании «Петролеум Италияно», был завален проектами, которые требовали срочного рассмотрения. Но он не мог заставить себя думать о делах, когда вся его жизнь вдруг начала разваливаться. Долгие годы он упорно и целеустремленно строил свою профессиональную карьеру. Работал в самых поганных местах с гиблым климатом, вдали от цивилизации. И, наконец, к пятидесяти годам компания оценила его опыт, знания и преданность. Роберто был переведен в Милан и назначен начальником отдела новых разведочных технологий. Его зарплата и бенефиты намного возросли. А главное, прекрасная Италия – это не Нигерия, Габон или Индонезия, где он провел свои лучшие годы.

Роберто с головой ушел в работу. Задача его немногочисленного отдела состояла в том, чтобы следить за всеми новинками в области разведки, оценивать их и давать экспертные заключения о целесообразности использования компанией. Помимо этого, у него была и собственная сфера ответственности – рассмотрение идей и предложений, авторами которых являлись сотрудники компании и которые поступали в отдел по внутренним каналам. По установившемуся правилу все они, независимо от ценности, считались конфиденциальными. Несмотря на то, что большинство предложений были либо плодом фантазии авторов, либо отражали недостаточное знание предмета, иногда попадались действительно хорошие идеи,

которые заслуживали поддержки и реализации. Роберто называл себя «мусорщиком», который разгребает груды хлама в поисках редких ценных находок.

«Петролеум Италияно» – это большая международная корпорация, имеющая филиалы во многих нефтедобывающих странах мира. В ней заняты тысячи сотрудников. Поэтому у Роберто всегда хватало работы. Он научился определять ценность предложений с первого взгляда на диаграммы и чертежи. И даже разработал собственную классификацию, в которой среди прочих были и такие категории: велосипед, вечный двигатель, плагиат, заявка на Нобелевскую, опоздание на десять лет, опережение на сто лет. Время от времени на его рабочем столе появлялись проекты, воплощавшие заветную мечту каждого разведчика – прямое обнаружение нефти. Почти все они повторяли старые отвергнутые идеи, о чем авторы или не знали, или забыли. Вот и сейчас он занимался пухлой папкой материалов, полученных от двух геофизиков из шотландского филиала компании, которые утверждали, что разработали метод прямого обнаружения с помощью сейсморазведки. В папке были аккуратно собраны все относящиеся к делу карты, таблицы и диаграммы с детальным описанием предлагаемой технологии. Основой ее, по заявлению авторов, являлось различие в акустическом сопротивлении между нефтяным пластом и всеми другими породами. Месяца два назад Роберто напомнил им, что явление это известно и что метод, основанный на нем, называется методом «яркого пятна», которое такое различие создает на сейсмограмме. Но, к сожалению, результаты его применения не всегда однозначны. Из Шотландии пришел обстоятельный факс, из которого следовало, что авторы хорошо представляют себе недостаток метода. Поэтому они разработали усовершенствованную компьютерную программу, которая позволяет существенно повысить его эффективность. После некоторых сомнений и колебаний Роберто решил вынести обсуждение этого предложения на технический совет компании. Он пригласил авторов в Милан и теперь ждал их приезда. «Кто знает, – думал Роберто, – возможно, эффективность и удастся немного повысить. Надо попробовать».

Но, кроме работы, у доктора Массини была и личная жизнь, в которой все вдруг пошло кувырком. Многие годы, вдали от Италии, он был лишен широкого круга общения, заботился только о семье, карьере и банковском счете. Оказавшись после всего этого в Милане, имея достаточно свободных денег и будучи еще не старым человеком, он вдруг обнаружил, что, помимо семьи и работы, существует что-то еще. И случилось неизбежное. Мария ворвалась в его жизнь стремительно и заполнила ее всю, без остатка. Она была красива, на двадцать лет моложе Роберто и благосклонно приняла его ухаживания. Он совершенно терял голову, когда слышал ее нежный ласковый шепот – «О, мой Марчелло». Последовал сокрушительный бракоразводный процесс, в результате которого жена и трое детей получили все нажитое за долгие годы имущество, а в качестве алиментов – львиную часть его зарплаты. Роберто остался без дома, с сильно урезанным банковским счетом и скромным ежемесячным доходом. Надо было начинать жизнь сначала, но красавица Мария хотела все сразу и по самой высокой категории – квартиру, мебель, машину, туалеты, поездки на дорогие курорты.

... Доктор Массини сидел за своим рабочим столом и размышлял о том, как жить дальше. Вскоре должно было состояться обсуждение шотландского предложения на техническом совете, но его голова была занята совсем другими проблемами. И в таком состоянии он находился не день и не два, а почти всю неделю. Телефонный звонок прервал его невеселые мысли.

– Доктор Роберто Массини? Здравствуйте. Меня зовут Витторио Роккарди. Я работаю в области общественных связей в солидной консалтинговой фирме. Мне бы хотелось встретиться с вами. И, если не возражаете, не в формальной обстановке.

– Витторио Роккарди? Простите, синьор Роккарди, но ваше имя и род занятий мне ни о чем не говорят. Нельзя ли уточнить, с какой целью вы хотите встретиться?

– Видите ли, доктор Массини, это крайне сложно сделать по телефону. Могу только заверить, что наша встреча будет для вас весьма интересна.

– Я, право, не понимаю... Но если вы полагаете... Ну что ж, давайте увидимся... А о чем все-таки речь?

– Спасибо, доктор Массини. Уверяю, вам будет интересно. Как насчет сквера около замка Сфорца? Не возражаете? Тогда назовите, пожалуйста, время.

– Сегодня вечером я как раз свободен. Восемь часов вас устроит? – Роберто стал ощущать какое-то вязкое любопытство. – А как я вас узнаю, синьор Роккарди?

– Не беспокойтесь, доктор Массини. Я подойду к вам. Итак, замок Сфорца, восемь часов. До вечера, доктор Массини.

Ровно в восемь Роберто подошел к скверу. Точность была его отличительной чертой. В ту же минуту к нему направился высокий седой мужчина аристократической внешности, с военной выправкой.

– Здравствуйтесь, доктор Массини. Благодарю за любезное согласие встретиться со мной, – мужчина приподнял шляпу и представился: – Витторио Роккарди, адвокат.

– Здравствуйтесь, синьор Роккарди. Где мы будем разговаривать? Здесь, в сквере?

– Нет, конечно. Давайте зайдем в кафе «Гротта Адзурра»⁵ напротив. Очень уютное местечко.

Они заняли столик и заказали по чашечке кофе с бисквитом.

– Слушаю вас, синьор Роккарди.

Роккарди улыбнулся.

– Да, да, доктор Массини. Я понимаю, вы заинтригованы этим неожиданным звонком. Сейчас я все объясню. Дело в том, что я представляю очень большую промышленную корпорацию, которая интересуется, ну скажем, некоторыми техническими разработками, сделанными в «Петролеум Италияно».

При этих словах Роберто начал подниматься со стула, не оставляя сомнений, что намерен закончить разговор и уйти.

– Подождите, подождите, доктор Массини, – Роккарди почти силой усадил его на место. – Прошу вас, дослушайте. Вы можете уйти в любой момент. Но сначала дослушайте. Это вас ни к чему не обязывает.

Роккарди на мгновение утратил спокойную уверенность и сделал тяжелый выдох.

– Сейчас, сейчас я все объясню. Знаете что, доктор Массини, позвольте мне быть с вами предельно откровенным. Но только прошу вас – не делайте больше попыток закончить разговор. Поверьте, он важен для вас не меньше, чем для меня. Итак, предельно откровенно. Те, кого я представляю, знают все о ваших финансовых затруднениях. Абсолютно все. Прошу прощения за бесцеремонность... И предложение, которое я уполномочен сделать, решит не только ваши нынешние проблемы, но вы будете избавлены от них до конца жизни. А я желаю вам прожить до ста лет. Я предлагаю десять миллионов долларов. Десять миллионов! – с ударением повторил Роккарди.

Воцарилось молчание. Лицо Роберто оставалось спокойным и непроницаемым, но было слышно, как шуршит накрахмаленная салфетка в его руках.

– Даже если завтра вы уйдете из «Петролеум Италияно», вы не будете бедным человеком, – добавил Роккарди, не отводя глаз от пальцев собеседника, лихорадочно теревших салфетку.

⁵ «Голубой грот» – итал.

Роберто почувствовал, что погружается в какое-то липкое сладостно-мерзкое состояние. В голове, как удары молоточков, застучали бессвязные слова: десять миллионов – Мария – десять миллионов – Мария – о, святая Дева Мария, укрепи дух и разум... Желание встать и уйти почему-то пропало. «Странно, – подумал он, – почему не уйду? Ведь сейчас он потребует что-то ужасное... украсть... убить».

– Что я должен сделать? – слова сорвались с его языка помимо воли.

– Вот это уже серьезный вопрос, – голос Роккарди вернул Роберто к реальности, – с него мы и начнем. Нам известно, что в вашей компании разработан метод прямого обнаружения нефти. Я не специалист, вы лучше меня знаете, что это такое. Сейчас я хочу только услышать от вас подтверждение, что это действительно так, что такой метод разработан.

– Ну, допустим... – неопределенно произнес Роберто.

– Нет, это меня не устраивает. Никто не будет платить десять миллионов за «допустим». Да или нет?

– Да, – голос Роберто был таким твердым, что это удивило его самого.

– Прекрасно. Это именно то, что я хотел услышать. Впрочем, мы знаем об этом и без вас. Ваше «да» нужно лишь как доказательство, что вы серьезный партнер. Ну, а теперь соединим обе части вместе. Мы от вас получаем детальное описание метода со всей технической документацией, а вы от нас – десять миллионов.

– Да, но... – начал было Роберто.

– Никаких «но». Для вас это сделка всей жизни. Другого такого шанса не будет, доктор Массини. Так что не стоит заниматься пустыми разговорами. Давайте переходить к деталям, – Роккарди говорил жестким повелительным тоном.

– Я должен... э, я должен... э, подумать, – язык плохо повиновался Роберто, мысли разбегались.

– Сколько времени вы намерены думать?

– Завтра... Ответ завтра.

– Хорошо. Подождем до завтра. А пока у меня к вам два вопроса. Первый – когда может быть готова вся техническая документация? И второй – вы должны сообщить мне название банка и номер счета. В какой банк нам следует перевести деньги?

– В какой банк? Я думаю, в швейцарский. Но я должен поехать в Лугано и открыть счет. Это займет один день. Копия документации? Для этого потребуется еще день. Итого два дня.

– Договорились. Надеюсь, вы не собираетесь с кем-то советоваться?

– Нет, не собираюсь.

– Предупреждаю, Массини, не делайте глупостей. Я представляю очень серьезных людей. Они не любят шутить.

На следующий день полковник военной разведки Витторио Роккарди сообщил своему старому другу генералу Джону Андерсону, что кропотливая работа, на которую у него ушло почти два месяца, успешно завершена. Он назвал стоимость сделки, которая не превысила максимальную сумму, санкционированную Андерсоном, и от которой зависели его собственные комиссионные. Роккарди добавил, что упорно торговался, начав с одного миллиона. Но Массини меньше чем о десяти и слышать не хотел, заявив, что товар стоит намного больше и что сам он рискует головой.

Еще через два дня полковник получил пухлую папку с технической документацией, а десять миллионов долларов были переведены в банк «Кредит Свисс» на имя Роберто Массини. Роккарди раскрыл папку и прочитал на титульном листе: «Яркое пятно». «Кодовое название» – решил опытный разведчик. Вслед за этим доктор Массини внезапно уволился из компании из-за резкого ухудшения здоро-

вья, вызванного семейными неурядицами, и уехал из Италии в неизвестном направлении. Его сопровождала молодая красивая спутница. Перед отъездом он как хороший католик посетил церковь Санта-Мария делле Грацие на Корсо Верчелли и вознес благодарственную молитву Деве Марии за чудесное избавление с помощью посланного ею синьора Роккарди от всех своих житейских проблем. А падре Антонио был несказанно удивлен и обрадован щедрым пожертвованием, которое сделал этот незнакомый, но ревностный прихожанин.

– Могу ли я узнать, сын мой, кого мы должны благодарить за выражение столь искренней любви к Святой церкви? – спросил падре.

– Упомяните в своей молитве, святой отец, новообращенного сына церкви Карло Тибальди, – ответил незнакомец.

Роберто понимал, что произошла какая-то загадочная ошибка и что очень скоро синьор Роккарди или те, кого он представляет, захотят снова встретиться с ним. Он не был заинтересован в такой встрече. Слова о серьезных людях, которые не любят шутить, не выходили у него из головы. Поэтому отныне доктор геофизики Роберто Массини перестал существовать. Вместо него появился преуспевающий бизнесмен Карло Тибальди. По настоянию Марии он слегка изменил свою внешность и стал еще больше похож на Марчелло Мастрояни...

12

Все четыре дополнительные разведочные скважины на блоке Камерон обнаружили тот же нефтяной пласт, что и первая. Он выделялся на каротажных диаграммах настолько отчетливо, что Алекс решил не тратить время на проверку его пластоиспытателем, а сразу спускать обсадные колонны, цементировать их и прострелять перфораторами. После этих операций на устье каждой скважины была установлена фонтанная арматура, называемая на языке нефтяников «рождественской елкой» из-за сходства с этим обвешанным игрушками деревом. Сходство создавали многочисленные горизонтальные трубки, манометры, вентили, расположенные на главной вертикальной трубе, как на «стволе». Все скважины были подготовлены к добыче нефти. На этом этап разведки закончился.

Месторождение, о существовании которого не было известно еще полгода назад, красовалось среди пологих холмов Камерон своими покрытыми голубой краской «рождественскими елками», как новенький с иголки океанский танкер, готовый к спуску со стапелей. Оно фактически и было гигантским подземным танкером, огромным природным резервуаром, заполненным нефтью, дремавшей миллионы лет под двухкилометровой толщей горных пород. И вот теперь пять скважин, как тонкие иглы, проткнули этот резервуар и дали выход нефти на поверхность. Скоро, по воле своего нового хозяина, она вырвется из пласта, как джинн из бутылки. Будет ли этот джинн служить добру или злу? И кто станет его хозяином? Сегодня Камерон еще всецело принадлежит группе «Дабл Эй». Но это только сегодня. Пройдет немного времени, и здесь появятся другие владельцы. Они пробурят десятки новых скважин, называемых эксплуатационными, построят нефтесборные сооружения и насосные станции, проложат нефтепроводы. Холмы Камерон изменятся неузнаваемо. Нетронутый природный ландшафт уступит место безобразному индустриальному пейзажу. Такова цена, которую наша маленькая планета платит за так называемый технический прогресс, которым одержимы населяющие ее неразумно разумные существа. В конце концов они погубят ее. Но таков закон самоуничтожения, заложенный в живой природе. Подчиняясь ему, микробы и вирусы, живущие в организме человека, уничтожают этот организм, хотя он и является их единственной средой обитания. Так же ведут себя люди по отношению к планете Земля. «Она вертится», – утверждал Галилей

вслед за Коперником. «Но не настолько, чтобы отвернуться от людей», – подумал Алекс.

Все эти странные мысли пришли в голову неожиданно и настроили его на философский лад. Раньше ни о чем подобном он не задумывался. Если встать на такую точку зрения, то получается, что всю свою жизнь он только и занимался уничтожением природы? «Чушь какая-то, – подумал Алекс. – Вот что значит расслабиться после нескольких месяцев плотной работы. Всякая ерунда лезет в голову. И потом, опять эта литературщина – джинн из бутылки, добро и зло... Еще не время размягчать серое вещество. Есть неотложные дела».

А дела, действительно, были. В первую очередь следовало подсчитать запасы нефти. Алекс начал с того, что уточнил границы месторождения. По форме оно напоминало изящный удлинённый овал. Нарисовав его на карте и написав внутри большими буквами КАМЕРОН, он получил настоящее эстетическое удовольствие. Вспомнились слова погибшего на войне поэта: «Я с детства не любил овал...» Знал бы он, сколько красоты, завершенности и миллионов тонн нефти может заключать в себе эта геометрическая фигура. Ее можно не только полюбить, но и сделать своим алтарем. И приносить на нем жертвы богам. Каким богам? Богу профессионализма. Богу удачи. Богу прямого обнаружения. Ну и, конечно, золотому тельцу. Да, тельцу. Ибо один из законов великого Мэрфи гласит: «Неважно, о чем говорят, – речь всегда идет о деньгах». И закон этот еще никто не опротестовал и не подверг сомнению...

Через несколько дней, после сложных вычислений, учета всевозможных коэффициентов и физико-химических параметров нефтяного пласта, подсчет запасов был закончен. Нефти на месторождении оказалось больше, чем Алекс вначале предполагал. Соответственно и норма прибыли после его продажи должна превысить ту, которая когда-то произвела такое впечатление на Шмуэля. Из Израиля прилетел адвокат Рон Берман. Совместно они оформили необходимые финансовые отчеты, расплатились с «Дриллинг Энтерпрайз» и «Вэлл Сервисез», переведя деньги со швейцарского счета группы «Дабл Эй». Затем привели в порядок юридические документы на владение месторождением в соответствии с законами провинции Альберта. Теперь настало время приступить к завершающему этапу – поиску покупателей. Этот вопрос следовало решать вместе со Шмуэлем и Андреем. Поэтому Алекс, Рон и Габриэль заканчивали последние дела и готовились вылететь в Израиль. Два других сотрудника службы безопасности, Гидеон Эйтан и Морис Шахар, улетели на неделю раньше.

А в это время в «Игл Корпорэйшн» бушевал небывалый скандал. Как только руководству корпорации стало известно, что именно купил Джон Андерсон за десять миллионов долларов, началось внутреннее расследование. Руководство хотело выяснить, кто еще причастен к этой сделке и нет ли здесь преступного сговора с целью присвоения денег компании. Очень быстро было установлено, однако, что Андерсон – единственный инициатор и виновник всего дела. Никаких корыстных побуждений в его действиях обнаружено не было. Следственная комиссия пришла к выводу, что причиной столь нелепой акции были лишь абсолютная некомпетентность и использование методов, чуждых профессиональным нормам и традициям корпорации. Это проявилось не только в том, что сделка была заключена без предварительной научно-технической экспертизы, но и в том недопустимом давлении, которое Андерсон оказал на финансовый отдел, потребовав ее немедленной оплаты. Бравый генерал был выведен из Совета директоров, и ему было заявлено, что впредь он не может работать ни в одном из подразделений компании. В его личном деле появилась запись: «Не подлежит трудоустройству в “Игл Корпорэйшн”». На этом карьера Джона Андерсона в нефтяном бизнесе закончилась.

Во избежание ущерба репутации компании расследование велось строго конфиденциально и были приняты меры для предотвращения утечки информации. Но, как это обычно бывает, слухи о скандале сначала распространились внутри компании, а затем выплеснулись за ее пределы. Поскольку мало кто знал, что именно произошло и за что уволен вице-председатель Совета директоров, появлялись всевозможные догадки, одна невероятнее другой. Они обрастали сенсационными подробностями и вскоре превратились в своего рода местный фольклор. Единственным неизменным стержнем всех этих историй было утверждение, что «Игл Корпорэйшн» приобрела где-то в Европе у какого-то проходимца за огромные деньги что-то такое, что оказалось совершенно ненужным и бесполезным. С этим были согласны все. Но что именно было приобретено, не знал никто. Поэтому каждый рассказчик придумывал собственную версию. Наконец, произошло то, чего руководство компании опасалось больше всего, – история докатилась до газет. Доброе имя «Игл Корпорэйшн» начали склонять в лучших традициях желтой прессы. Поскольку официальные представители компании отказывались от каких-либо комментариев, журналисты добывали информацию из сомнительных источников, добавляя к ней изрядную долю собственных домыслов.

Алекс, Рон и Габриэль летели прямым рейсом из Торонто в Израиль. Сразу же после взлета стюардессы раздали газеты. Габриэль не спеша перелистывал таблоид «Сан», когда на глаза ему попался крупный заголовок: «Орел схватил не ту добычу»⁶, под которым был подзаголовок в виде вопроса: «Кто подставил генерала?» В статье рассказывалась почти детективная история. Некто Джон Андерсон, бывший генерал разведки, а ныне вице-председатель Совета директоров «Игл Корпорэйшн», якобы узнал по своим секретным каналам, что в одной из европейских стран проживает некий гениальный изобретатель. Он придумал совершенно необычный прибор, который спускается в бурящуюся скважину, позволяя оператору на поверхности визуально наблюдать все, что в ней происходит, и распознавать нефтяные пласты. Андерсону сообщили, что многие нефтяные компании охотятся за этим прибором, поэтому изобретатель ушел в подполье, опасаясь за свою жизнь. Генерал решил во что бы то ни стало раздобыть изделие. Он задействовал свои старые европейские связи, и, наконец, подпольщик был обнаружен на квартире любовницы. В статье подробно описывались ее женские прелести. После долгих и трудных переговоров, в которых любовница принимала активное участие, изобретатель согласился продать чертежи за сумму, названную его подругой. Автор статьи не имел точной информации на этот счет и поэтому ограничился лишь приблизительной цифрой – около пятнадцати миллионов долларов. Сделка состоялась. Изобретатель получил свой гонорар, а генерал Андерсон – чертежи и всю техническую документацию. И вот тут произошло самое пикантное. Когда был изготовлен образец прибора, оказалось, что это увеличенный до размеров скважины обыкновенный медицинский проктоскоп, которым пользуются для обследования прямой кишки. Разразился грандиозный скандал. Опозоренный Андерсон вынужден был уйти в отставку. В статье говорилось также, что он поклялся разыскать афериста и рассчитаться с ним. Но автор справедливо полагал, что гениальный изобретатель и его не менее гениальная подруга вряд ли продолжают с нетерпением ждать генерала в своей прежней скромной квартирке. Поэтому он советовал своему герою забыть об изобретателе, а вместо этого найти тех, кто его действительно подставил.

Давясь от смеха, Габриэль передал газету Алексу.

– Мистер Франк, прочтите. Здесь речь идет о наших старых знакомых.

Алекс прочитал статью и долго не мог вымолвить ни слова – его душил смех. Наконец, он пришел в себя.

⁶ «Игл» – Eagle – по-английски «орёл»

– Габи, если в этом есть хотя бы доля правды, то бюст Андерсона нужно установить в «Игл Корпорэйшн». Он прославил компанию. А все же интересно – кто его подставил? (Ни ему, ни Габриэлю и в голову не приходило, что именно они погубили карьеру бедного генерала. И лишь много времени спустя Алексу стала понятна связь между их методом, аферой Андерсона и «Петролеум Италияно».) Впрочем, – продолжал он, – подобные аферы случались и раньше. Одна из наиболее громких связана с крупнейшей французской нефтяной компанией «Элф-Аквитан» и произошла в начале восьмидесятых. Она получила широкую известность в нефтяном мире как «афера нюхающего самолета». Несколько ловких «изобретателей» продали компании электронную аналитическую систему, которая устанавливалась на самолете и позволяла якобы по химическому составу заборного воздуха обнаруживать нефтяные месторождения при облетах исследуемой территории. Анализатор воздуха назывался «сниффер», что означает «нюхатель». Его испытания проводились в условиях полной секретности в течение трех лет. Ввиду огромного экономического потенциала «изобретения» в финансировании проекта негласно участвовало французское правительство. Президент Жискара Д'Эстен лично санкционировал выделение средств из специального фонда, предназначенного для непредвиденных ситуаций. Видимо, Франция решила взять реванш за отказ от парохода Фултона при Наполеоне и стать владычицей «нефтяных морей». В наш век это более важно, чем «править морями», как поется в британском гимне. Однако этим амбициям не суждено было сбыться. Хотя испытания «сниффера» с участием самих «изобретателей» прошли успешно, но в конечном счете все обернулось грандиозным надувательством и потерей ста миллионов долларов. Скандал расследовался специальной правительственной комиссией, которая пришла к выводу, что «Элф-Аквитан» стала жертвой беспрецедентного мошенничества. Под угрозой оказались не только репутация компании, но и престиж президента. Поэтому отчет комиссии был засекречен и предан гласности только при Франсуа Миттеране, который сменил Д'Эстена в Елисейском дворце. Помню, «Фигаро» писала тогда с сарказмом, что нефтяные компании все еще не могут расстаться с мечтой о методе прямого обнаружения, который на самом деле не более реален, чем «философский камень», способный превращать металлы в золото. Журналисты больше разбираются в алхимии, чем в нефтяной геологии, – закончил Алекс с улыбкой.

Продолжение следует